

КОГДА советский труженик в кругу семьи, в кругу близких друзей отмечает ту или иную юбилейную дату своей жизни, у него, естественно, возникает желание оглянуться на прошедшие годы, вспомнить наиболее яркие и значительные факты своей биографии, неразрывно связанные с жизнью страны, мысленно подготовить их и, конечно, подумать о будущем.

А ныне весь наш народ — неутомимый труженик и строитель новой жизни на земле — готовится в кругу большой семьи социалистических стран, в кругу многочисленных друзей, имеющих у нас на всех континентах земного шара, торжественно отпраздновать знаменательную юбилейную дату своей истории — сорокалетие Великой Октябрьской социалистической революции.

В предпраздничные, отмеченные высоким духовным подъемом дни мы, советские люди, с чувством исполнен-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 112 (3768)

Вторник, 17 сентября 1957 г.

Цена 40 коп.

ЛОДЖ НАЖИМАЕТ КНОПКУ...

НЬЮ-ЙОРК два года спустя выглядит так же, как два года назад, хотя Манхэттен обвешан новым алюминиевым небоскребом, положив на два вайнских кубка, а на бирже по случаю холодного ветра из здания ООН несколько повышается температура. Когда мы на заре подлетаем к городу, сквозь голубоватый туман на сонной физиономии залива мы увидели белые усы нескольких пароходов, которые, казалось, ударили на всех парах от гигантского скопления зданий и человеческих страстей.

А в городе каждый жил тем, что ему положено: два негра в булавочных рубашках обсуждали вспышку расизма в Южных штатах; нищий у магазина подсчитывал принадлежностей на 42-й улице ослепило выпрашивал цент; тощий мужчина в френч-комбинезоне на обложках сидели женщины целились в прохожих из пистолетов, работники муниципалитета испытывали удовлетворение от того, что силами полиции и воспитанников военных училищ нанесли тактическое поражение юношеским бандам, а господин Генри Кэбот Лодж, постоянный представитель США в ООН, готовил тезисы и маршнотку к очередному заседанию «Венгерский вопрос», ради которого ООН собирается в Женеву, как сырую резину, мелькая кучи комментарии на страницах газет — пресса, выходящая из него для пропаганды все, что было можно, утрачивала к нему интерес.

Уже известно, что первые дни работы специальной сессии не обогатили человечество ни разумными политическими анцимами, ни бесприморными моральными ценностями. Мы не были в зале заседаний, когда мистер Генри Кэбот Лодж исполнил на черной мраморной трибуне темы и вариации из «доклада пяти», но так как местная пресса не проявляла в связи с этим ни подлинного, ни деланного энтузиазма, то это говорило само за себя. Даже пикеты венгерских перемещенных из советского представительства на Пари-авеню стали быстро редеть и таять, и это означало, что так называемый «венгерский вопрос» уже становится покойником, от которого никто, кроме американской политики, сколько-нибудь стоящего наследства не ожидает.

В комфортабельную стеклянную коробку в здании ООН мы попали в пятницу, 13 сентября, и поначалу долго рассматривали большую, во всю стену, картину, написанную блестящими красками в модернистском духе и, как нам казалось, изображающую человека в реверансах к некоторым делегатам, боится за кормой американской политики, никто не понимал и объяснить толком не мог. Но гледи на всякий случай расхваливали глубину ее идеи и оригинальность форм...

Пятый день недели для Нью-Йорк выдался душным, а для участников сессии необычайно длинным — они заседали после завтрака, после обеда и после ужина. Знающие люди объяснили, что это не было жертвой на алтарь интересов человечества, а просто вызывалось желанием многих делегатов освободить себе для отдыха субботу вдобавок к воскресенью. Прения начались выступлением делегата Уругвая г-на Фабрегата, члена «комитета пяти». С неожиданной скромностью он признал, что «доклад» возможных недостатки и односторонность точки зрения, но тут же запустил пиroteхнический фейерверк красноречия и заявил, что считает «венгерский вопрос» одной из важнейших проблем современности, которая останется в анамнезе истории. Какого именно истории, он не пояснил, и один решил, что просто скверной, а другие — что американской. Затем господин Фабрегат призвал участников сессии отвлечься от политики, от экономики, от Варшавского договора и даже от интересов венгерского государства и рассматривать во-

прос исключительно с точки зрения прав человека, как будто эти права и в самом деле являются вне политики и экономики. И мы подумали при этом, что если бы отвлечь от политики и экономики, от жалования и служебного положения самого господина Фабрегата, то его пришлось бы представлять в качестве воровки, клюющего зернышки на замусоренных тротуарах 45-й улицы, или духа, бесполотно витающего под зеленоватым куполом зала заседаний. В заключение уругвайский делегат пропел дифирамб председателю Генеральной Ассамблеи ООН принцу Ван Вайтайхонгу, называя его любимым, мудрейшим, опытейшим, талантливейшим, и это напомнило нам юбилейные заседания поэтической секции.

Скажем откровенно — мы, как и миллионы людей в разных концах земного шара, связываем с ООН высокие надежды. Представительное учреждение это не может исправить то, что уже случилось в истории, не в состоянии поднять из могил убитых в прошлых войнах и компенсировать обиды великим угнетенным народам. Но при определенных условиях оно могло бы помочь осуществиться мечте народов о мире и хотя бы элементарной справедливости в отношениях между нациями и государствами. Для того оно, безусловно, и существует. И все же одно дело — надежды, другое — их осуществление. В этот день нам не показалось, что все делегаты, каждый в меру сил своих, трудились над возведением здания мира. Даже, наоборот, некоторые из них явно надрывались в интересах международной напряженности и «холодной войны». Может быть, нам не хватает дипломатической выдержки и шлифовки, но если подходить к заседаниям ООН с точки зрения обычного человеческого здравого смысла, то порой они производят угнетающее впечатление — создают определенное ощущение, что трибуну ООН некоторые делегаты используют как пристанище для ораторских турниров, а судьбы стран вершатся в кулуарах, за стигматом виски с содой, или в сгаретном дыму над пельменницей с окурками. Каждый из делегатов, вероятно, обладает определенными способностями, но когда иной из них поднимается на трибуну с листами заранее приоткрытой речи, то вдруг начинает напоминать ученика начальной школы или неграмотного популя, высказывающегося по проблемам современной астрономии.

Особенно отличаются в этом отношении делегаты американского блока. Главный из них Генри Кэбот Лодж, мужчина представительный, высокий, — в его длинной речи затрагиваются десятки делегатов западного блока, — произносит свои речи с хорошо отретированным пафосом и старомодным красноречием, свидетельствующим, что он изучал его по учебникам прошлого века. В детстве он сидел на коленях двух американских президентов, но это лестное биографическое обстоятельство не избавило его государственную логику от крупных изъянов, так что сплошь и рядом случается, что в думечке лезу его формулировок факты и слова никак не могут отыскать друг друга. В этом характерном стиле выступал он и на этот раз. Несомненно, Советский Союз, помогая контрреволюционному мятежу, действовал в интересах венгерского народа, а не в капиталистических интересах США, и, если бы мистер Лодж исходил из этого положения, все было бы понятно. Но именно потому, что советская помощь спасла венгерский народ от кровавой бани, которую ему готовили западные политики во главе с Соединенными Штатами, мистеру Лоджу и приходится уверять о фактах, как неадекватном тореадору от быка. Ничего ему и не остается, как произносить общие высокопарные фразы

(Окончание на 4-й стр.)

ИТОГИ ВЕЛИКОГО СОЗИДАНИЯ

стvom походом». Все внутренние и внешние враги юного социалистического государства обеды в одном стремлении — задумать его, пока оно не окрепло, не стало прочно на ноги. Три с лишним года пришлось рабочим и крестьянам отражать этот бесщелый вооруженный натиск, терпеть неслыханные лишения.

Под руководством Коммунистической партии наш народ, наша Красная Армия проявили высокую идейность и беспредельную преданность Советской власти, чудеса героизма и самоотверженного энтузиазма. Отстояв в неимоверно тяжелой борьбе зановая Октябрьской революции, рабочий класс России стал зачателем новой жизни, а Советский Союз — первой социалистической страной, проложившей другим народам путь к социализму.

Программу строительства социализма в нашей стране разработал вожде партии и народа В. И. Ленин. Это была глубоко научно обоснованная, невиданно смелая и трудная программа. И мы по праву гордимся тем, что она претворена в жизнь! В годы первых пятилеток было покончено с технико-экономической отсталостью старой России, создана мощнейшая тяжелая промышленность, без которой невозможно добиться экономического могущества государства, обеспечить его обороноспособность и достигнуть высокого жизненного уровня населения. Страна покрывалась густой сетью электрических станций. Проплошел глубочайший революционный переворот в деревне: сошел со ступеней последний и самый многочисленный эксплуататорский класс сельских кулаков-мироедов; на месте отсталого, раздробленного крестьянского хозяйства выросло колхозное, коллективное сельскохозяйственное производство, оснащенное современной техникой. И страна осуществлена культурная революция; изменились и выросли духовно советский рабочий класс, наше трудовое крестьянство; сложилась новая, советская интеллигенция. Все это — великопленные и неопровержимые свидетельства силы и жизнеспособности социализма, свидетельства его колоссальных преимуществ перед капитализмом, переживающим ныне свои сумерки, свой закат! Победа социализма в СССР — таков главный итог Октябрьской революции, итог, вдохновляющий все народы мира в их борьбе за лучшее будущее.

В суровые годы нашей Родины годы второй мировой войны, развязанной немецким фашизмом, этим наиболее свирепым и разбойничьим отрядом мирового империализма, преимуществами социалистического строя перед капиталистическим раскрылись с особой силой. В гигантском военном столкновении с фашистским агрессором победил советский общественный и государственный строй, рожденный Октябрьской революцией, победила самая передовая в мире социалистическая идеология, а наш народ показал себя поистине героическим народом, воспитанным Коммунистической партией в духе великой верности социалистическому Отечеству, в духе пламенного советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Если подсчитать, то окажется, что из четырех десятилетий Советской власти не менее восемнадцати лет ушло на навазанные нам войны и последующие периоды восстановления народного хозяйства. И если в послевоенные годы наш народ добился громадных успехов хозяйственного и культурного строительства, если советские люди стали лучше питаться, лучше одеваться, культурнее жить, то в этом нельзя не видеть нового проявления богатых жизненных сил, заложенных в социалистическом строе, неисчерпаемой творческой народной инициативы, разбудившей Великой революцией, нельзя не видеть мудрости руководства Коммунистической партии.

СОЗДАВШАЯ великим Лениным, партия коммунистов — душа всей созидательной деятельности советского народа, великий зодчий коммуни-

стического общества. Только имея такую закаленную в боях партию, умеющую смело смотреть вперед, правильно, научно понимать и применять законы строительства и развития нового общества, наш народ мог успешно преодолеть величайшие трудности на своем пути и достигнуть победы. На своем собственном опыте советские люди убедились, что высший закон деятельности ленинской партии — это постоянная, повседневная связь с широчайшими народными массами, забота о нуждах, о благе народа. Дальнейшее улучшение благосостояния всех категорий трудящихся — таков важнейший итог послевоенного развития советского общества.

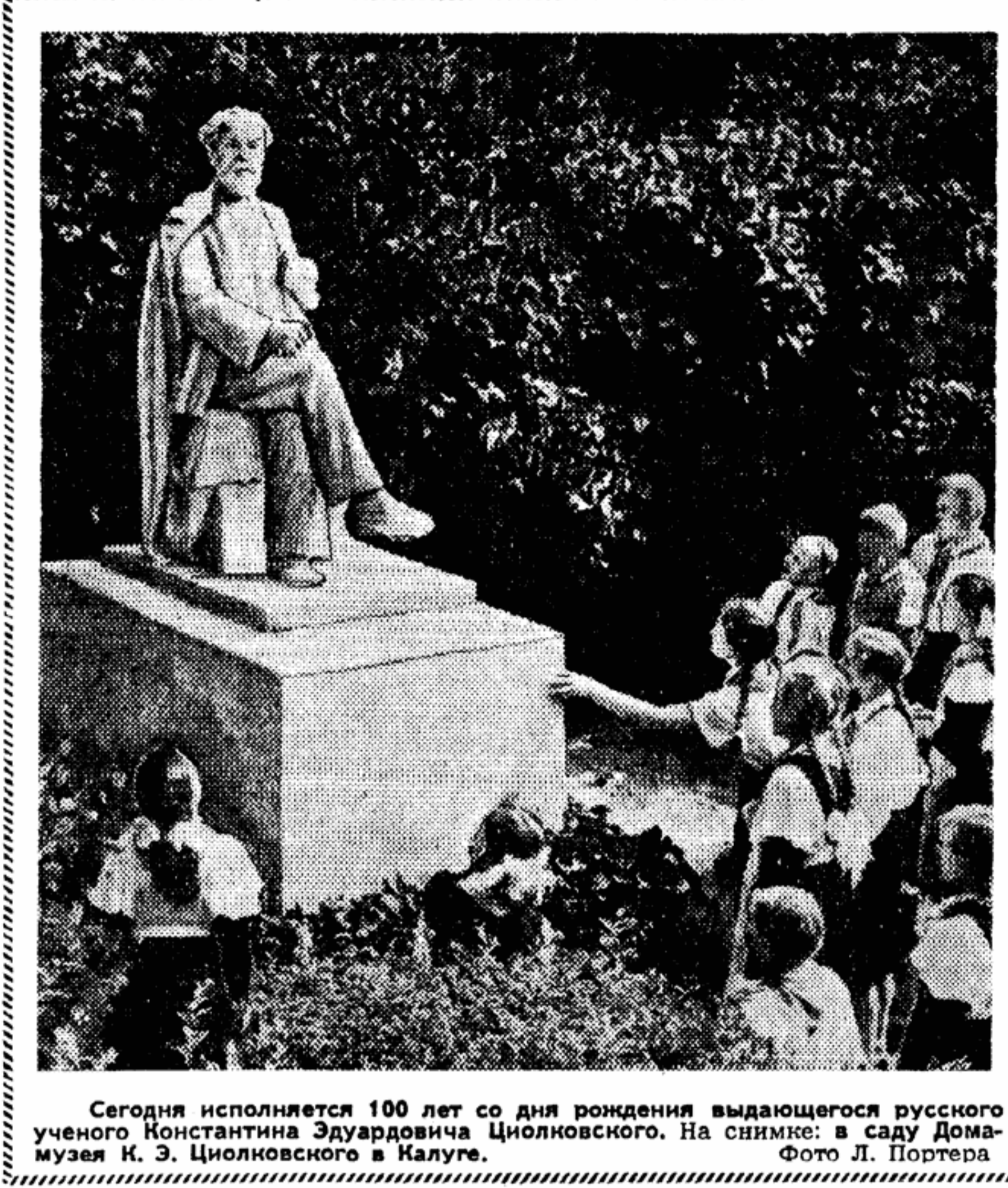
Конечно, в нашей стране имеются еще известные противоречия между растущими потребностями населения и достигнутыми в настоящее время возможностями их удовлетворения — ведь при социализме производительные силы и производительные труда не настолько высоки, чтобы было создано изобилие материальных благ. Но эти противоречия разрешаются и будут разрешаться путем непрерывного развития и совершенствования материально-технической базы коммунизма. В исторических решениях XX съезда КПСС наш народ получил конкретную программу коммунистического строительства на данном этапе.

Везде и во всем — в коренной перестройке управления промышленностью и строительством, в неуклонно нарастающем подъеме сельского хозяйства, в героическом освоении советскими людьми целинных и залежных земель, в том, как горячо подхватили колхозное крестьянство смелый призыв партии — догнать в ближайшие годы Соединенные Штаты Америки по уровню производства мяса, молока и масла на душу населения, в огромном размахе жилищного строительства в СССР, в замечательных успехах советской науки, в дальнейшем подъеме нашей литературы и искусства — живет творческий, марксистско-ленинский дух решений XX съезда КПСС.

Важнейшее условие успешного руководства Коммунистической партией народными массами — ее идейное и организационное единство. В свое время наша партия разоблачила и разгромила такие враждебные течения, как меньшевизм, эсерошину, троцкизм, правый уклон, буржуазный национализм и другие, без чего немислимо было бы завоевание политической власти рабочим классом, ни построение социалистического общества. На протяжении всей своей многолетней истории партия вела непримиримую борьбу со всеми ревизионистскими и догматическими, чуждыми марксистско-ленинскому взглядам. Недавнее однодунное осуждение партии и всем советским народом раскольнической, фракционной деятельности антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шенникова еще раз подтвердило, что с ликвидацией враждебных, антикоммунистических классов в нашей стране сложилось такое морально-политическое единство социалистического общества, при котором никакая антипартийная группа не может рассчитывать на поддержку в партии и народе.

ЕДИНСТВО партии и народа — верная гарантия могущества социалистического общества, залог успешного строительства коммунизма. Под знаменем этого единства, рука об руку с великим народом Китая, с трудящимися всех стран сложившегося и крепнущего дня для социалистического лагеря, идут советские люди на встречу своему большому и светлому празднику. Подготовка к нему наложившая отпечаток на труд рабочего и колхозника, на исследования ученых, на творчество писателя, художника, композитора.

В опубликованном недавно изложении выступлений Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» с истеричной полнотой и ясностью были изложены важнейшие вопросы политики Коммунистической партии в области литературы и искусства, определены задачи нашей творческой интеллигенции, подчеркнута огромная роль литературы и искусства в жизни советского общества, в идеологической работе партии, в борьбе нашего народа за коммунизм. Воодушевленные этими указаниями партии, советские писатели отдадут все свои силы, свой талант правдиво и многогранно изображению нашей социалистической действительности, яркому показу благородных стремлений и целей нашего народа, богатого духовного облика советского человека — строителя коммунизма.

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося русского ученого Константина Эдуардовича Циолковского. На снимке: в саду Дома-музея К. Э. Циолковского в Калуге. Фото Л. Попова

К СОРОКАЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛЬМЫ

НЕОБЫЧНЫЙ по авторскому коллективу и интересным мелодиям фильм «Великий Октябрь» создается на Центральной студии документальных фильмов. Над ним работают деятели кинематографии стран социалистического лагеря.

Эта картина задумана как единая повесть о революционных событиях 1917 года на судьбы людей разных наций, их борьбу за социальную справедливость и счастье мирную жизнь. В эти дни на студии ведется монтаж нового варианта картины. Писатели: Л. Локман, М. Маршал, К. Чавский, заглавие работы над П. Малков, Л. Фотиева, Р. Букин и В. Гевикман.

Вместе с кинооператором зритель совершит путешествие по городам и странам от Сибирска (Ульяновска) — родины Ленина — до Горьк под Москвой, где он скончался. О Ленине — вожде и человеке — рассказывает фильм «Ленин», созданный в Ленинском киноцентре. Авторы: Л. Локман, М. Маршал, К. Чавский, заглавие работы над П. Малков, Л. Фотиева, Р. Букин и В. Гевикман.

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ПРЕМИИ В ЛАТВИИ

РИГА. (Наш корр.) Для поощрения творческой работы в области науки, техники, литературы и исполнительского мастерства Центральный Комитет Компартии Латвии и Совет Министров Латвийской ССР установили 15 республиканских премий. Они будут присуждаться ежегодно в день годовщины Латвийской ССР — 21 июля.

В Комитет по республиканским премиям наряду с деятелями науки, техники и искусства вошли писатели В. Лукс, Я. Суабракал, Ф. Рокпеллис.

В дни 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции состоится первое присуждение премий за работы в области науки, техники, литературы, искусства и исполнительской деятельности, созданные за последние два года. Каждый, удостоившийся награды, получит диплом и нагрудный значок.

Открытие выставки советского изобразительного искусства в Веллингтоне

13 сентября в столице Новой Зеландии Веллингтоне в присутствии многочисленных представителей новозеландской общественности состоялось открытие выставки советского изобразительного искусства. На открытии выступил министр просвещения, исполняющий обязанности министра иностранных дел, спикер парламента, члены дипломатического корпуса.

Выставку открыл временный поверенный в делах СССР в Новой Зеландии Г. М. Родионов, который в своем выступлении выразил надежду, что открытие всеобщего обозрения выставки советских художников будет способствовать расширению культурных связей и установлению лучшего взаимопонимания между СССР и Новой Зеландией.

За нерушимое единство литераторов под знаменем партии

МЫ ПРИСТУПИЛИ к работе по созданию новой творческой организации — Союза писателей РСФСР. Это событие имеет огромное значение для всей нашей литературной жизни. Оно дает мощный толчок росту писательских сил на местах, оно еще раз подчеркивает доверие, которое оказывает нам писателям, партия. Говорит сейчас о структуре будущего Союза писателей РСФСР, о методе руководства громадной армией русских и национальных писателей, объединяющихся в новый союз (а их больше полновы числа всех членом Союза писателей СССР), еще рано, но помечетать нам никто не мешает, тем более, что во всех наших предположениях и начинаниях мы очень чувствуем дружескую поддержку со стороны партии и правительства.

Итак, мы мечтаем, например, о том, что, кроме журналов, издающихся ныне в областях, печатными органами будущего Союза станут и некоторые из центральных толстых журналов. Это, несомненно, было бы огромным облегчением для писателей РСФСР, которым сейчас печатается трудновато. Мечтаем мы и о своей литературной газете —

ПО КИНОЛЕТОПИ

СИ сорокалетней давности Центральная студия документальных фильмов подготовила полнометражную картину «Великий Октябрь» (сценарий Ю. Каравкина, режиссер С. Гуров). Фильм рассказывает о событиях, имевших место в период между Февральской и Великой Октябрьской революциями.

Экран воскресит интересные страницы истории борьбы, которую вела в тот период Коммунистическая партия, руководствуясь разработанным Лениным в Апрельских тезисах генеральной линии на переход от буржуазно-демократической к социалистической революции.

Фильм консультировал академик И. Минц.

Л. СОБОЛЕВ

Мечтаем и о своем издательстве. Не говоря уже о том, как трудно для областного писателя издать свою книгу в центральных издательствах, ему сейчас нелегко напечатать ее и в своем областном, ибо оно весьма стеснено бумагой, и производственных возможностей. Необходимо также покончить с несправедливой оплатой рукописей областными издательствами, гонорарные ставки которых, как известно, ничем не ниже московских.

Наличие собственного издательства и своих журналов, вне всякого сомнения, чрезвычайно активизирует работу писателей Российской Федерации. Однако нужно сразу же сказать, что такое расширение возможностей никак не может означать снижения требовательности. Наоборот, облегчить писателю путь к читателю, союз будет требовать от него полного напряжения сил, высокого идейного и художественного уровня новых произведений. Вот тут-то и должна будет сказаться руководящая воспитательная роль будущего союза.

Во имя чего создается союз? Во имя хорошей советской книги. Следовательно, вся работа будущего Союза писателей РСФСР (а значит, и Оргкомитета) должна быть направлена на решение

(Окончание на 3-й стр.)

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О награждении писателя Абдуллы Каххара орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, наградить писателя Абдуллу Каххара орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль
16 сентября 1957 г.

НЕТРУДНО себе представить, как при этих словах перед взором романтики на багряные картины, полные экзотики и пряного аромата: бронзовые пролады шерба в величественных чалмах, суелитые шапки, волочащие свои тележки с нежнейшим кашмиром, философы задумчивые морды верблюдов над шумливой разноязыкой толпой...

Нет, южный базар, с которым идет речь, выглядит вовсе не как сказочный майдан из Тысячи и одной ночи. Горд обступил базарную площадь и, шурша от солнца, расматривая ее с разных точек зрения, он угадал, как бы выглядел этот базар в далеком прошлом.

В самом центре базарной площади растет правильная геометрическая фигура крытого рынка. Он будет оснащен водопроводом, холодильными установками, идеальными весами и почти хирургической чистотой оцинкованными прилавками.

Но пока краны старательно складывают этот сверхсовременный рынок, старый южный базар живет и дышит. Пройдемся по его нестройным рядам. Поразмыслим над контрастами общественного торгового...

В рядах продают продукт знаменитого южного рыба. Стоят в ряды, прожаренные, как хрустят товары, молча предлагают рыбу. Если вы ничего не понимаете в ней, молчите и делайте не покладайте. Деды молчаливы, как пророки, ушедшие на пенсию. Они не станут втолковывать вам, убеждать или торговаться. Они предлагают колхозный товар, качественный, говорящий сам за себя.

А рядом кишатся торговки. У них товар поуже, зато крику и разглагольствованию. Торговки изо всех сил стремятся заманить вас нос рыбовой жаброй. Если это не удается, они прикладывают к вашим глазам розоватую пинку и требуют смотреть сквозь нее на солнце. И, странное дело, попутелье склоннее скорее сдаться крикливой бабе, чем выслушать молчаливому взору знатока рыбного дела.

Палатки всею оттенками костровых ошваренных ряды. А ну, кому на томат? Кто забыл на борщ? Можно ходить и любоваться этим рынком и овощным изобилием и попутно наблюдать торжество спекулянтки. Она первая приносит спекулянтку к корню продукт и, пока раскачиваются организации, ком велит надлежит, успевай вытаскивать из рабочих карманов тысячу десят, больше ей не надо: каждому ошвару, а равно и фрукту, свое время. Спекулянтка уползает, чтобы нежданно вынырнуть с драгоценными первыми арбузами, а там и с виноградом.

Частичка нахален: «Дорого! А вы в потребсоюз пойдите. Там дешевле будет. Неделка черт!» А пока в потребсоюзах лавках — плохая рыба, приподнятые солонные отурья помидоры, помидоры в трехлитровых баллонах.

Я позанимался с одним хорошим человеком, который при слове «потребсоюз» становится мрачным и уходит в себя. Это председатель овощеколхоза. У него миллионы килограммов овощей. — Могу один всю округу кормить. Дешево и досыта.

«Что же не кормите?» — Потребуем, — изнеможенно качает он головой, — потребуем — кум и благолетель! Он преими полунчат за денежный оборот. Берет он у меня товар сколько вывезти сможет, а вывозить он не любит. У меня себестоимость помидора поинже американской будет. Что бы такое сделать, а потребсоюз, чтобы он поворотливее стал!

«Клубнику на базаре почему-то называют «интеллигентной ягодо». Продают эту ягоду горды красивые в шелковых платьях. Белье и красавицы, перетянутые есыным бракетами, до локтей забрызганы клубничным соком. Сквозь эту буроватую краску сверкают незатейливые брильянты и изумруды с тонких фигурных колец. Красавицы не жалуют шелковых платьев, они следят только за прической: огненно-золотые крашенные волосы захвачены косночкой и заколоты брошкой.

Клубника хороша со сливками — эта истина подтверждается всем видом молочных красавиц. Они стоят, как отобранные для выставки, и с превосходительной усмешкой отвечают покупателю сто грамм клубники за шесть рублей.

Берите больше! Смотрите, как ягода! — говорит красавица величаво, как принцесса на приеме. — Дорого, — отвечает покупатель. — А нет денег — надо дома сидеть, — заметает принцесса, и весь ее эликсир лучится особым благоприобретенным хамством.

«Это не перекручивает. Это хозяйки, продающие свою ягоду, выращенную на своих грядках, на своих участках, однако далеко не всегда при помощи своей личной рабочей силы. Им помогают «родственники», «соседи». Это дамы с запросами. Именно они подбирают под цвет стен и столов корешки палочных извятий, состоят при ювелирных магазинах, возят из-за тридцатьи всемирно стиливую мебель и сверкают безуклюжими, но дорогими нарядами в театрах.

У них есть бумага, позволяющая им «жить для себя». Правда, в этой бумаге прямо не сказано о такой льботе. Там сказано о льготах для какого-нибудь отставника или пенсионера. Но этого, оказывается, достаточно.

Они нахальны, эти заносчивые клубничные красавицы. Но и у них есть достойные конкуренты. Вот рядом сидит на корточках мордастый дядька. Он так наловчился выворачивать свои колючести, что может с успехом выступать в цирке со смертельным номером.

«Браток,— рычит дядька,— товарищ командующий! Подой своему бывшему однокласснику! А? Проходишь, интеллигент!» Эти воинственные индее не утврждают себя путешествием в лачных вагонах. Им хорошо и здесь, в соседстве с торговками рылами. Они попрошайничают без стеснения от базара, Насобрав за день солидную дань с сероблачных граждан, они спешат (откуда пруть берет?) в близкую «забавеловку», где усленно помогают выполнять план водкооборота. Или сходится у ворот, чтобы сразиться в картишки — в «железку», в «двадцать одно» — с услужливо раскинувшими здесь ломберные палатки молодцоватыми людьми в беретках.

Нет, это не бедовые горьковские босяки с цветистыми биографиями. Это обыкновенные паразиты, прикрывающие свое тушеество какими-нибудь полуинвалидным свидетельством с круглой печатью, а то и просто унизительной демагогией.

Но довольно живописных картинок! — за колхозные базары. Пусть растет на смену дошатым суковатым прилавкам приподнимающиеся столы. Пусть в конце концов они соседствуют — торговый комбинат под отскеленным куполом и колхозные палатки под знойным южным небом. Но нельзя дозволить, чтобы торговка-спекулянтка считалась главным лицом на рынке. Чтобы она успевала всучить вам тредный перепороченную рыбу или рибкий зеленый помидор, варьируя цену, пока гордые торги и коопы согласуют эту великую проблему. Теперь, когда трудящийся получает возможность широко использовать присущие ей участки, когда колхозы вырабатывают великое немеренное богатство, — монополия клубничных красавиц и гордастый спекулянт должен принят конец. Пусть указ Президиума Верховного Совета РСФСР (подобные указы уже выданы в ряде республик) об ответственности за мелкую спекуляцию должен быть полно использован в борьбе против базарных торгов — спекулянтков и беркупищков.

«Сажими ласуными утрами приехали на базаре появляются озабоченные бородатые деды с бляхами на uniforme и метлами в руках. Ворчливо переговариваясь между собой, они сметают в кучу обрывки бумаг, огрызки яблок, шелуху семечко. И эта мирная картина выглядит почти символично. Она может дать блестящий предметный урок городским властям, коим давно бы надлежало вывести с лавных базаров всякий спекулянтский хлам. Что бычало не мешало нам торговать. Без «экзотики» — деловито и спокойно.

Л. ЛИХОДЕЕВ
ОДЕССА — РОСТОВ-НА-ДОНУ

Разделы книги «От Февраля к Октябрю»...

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

О ГЕРОИЧЕСКИХ и Х дних борьбы за власть Советов в Москве и в бывшей Московской губернии рассказывает читателям автор сборника, выпускаемого в ближайший день издательством «Московский рабочий»...

Юбилейная серия Гослитиздата

Государственное издательство литературы выпускает к 40-летию Октября большую серию книг. Ныне половина этих изданий уже вышла в свет. Одним из последних выпусков был сборник избранных произведений В. Бахметьева...

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПО СОВЕТУ ЛЕНИНА

одни из крупнейших пламенных союзов страны. «Лесные поляны» возникли не на базе бывших помещичьих имений, а на заброшенном, много лет не паханом земельном участке.

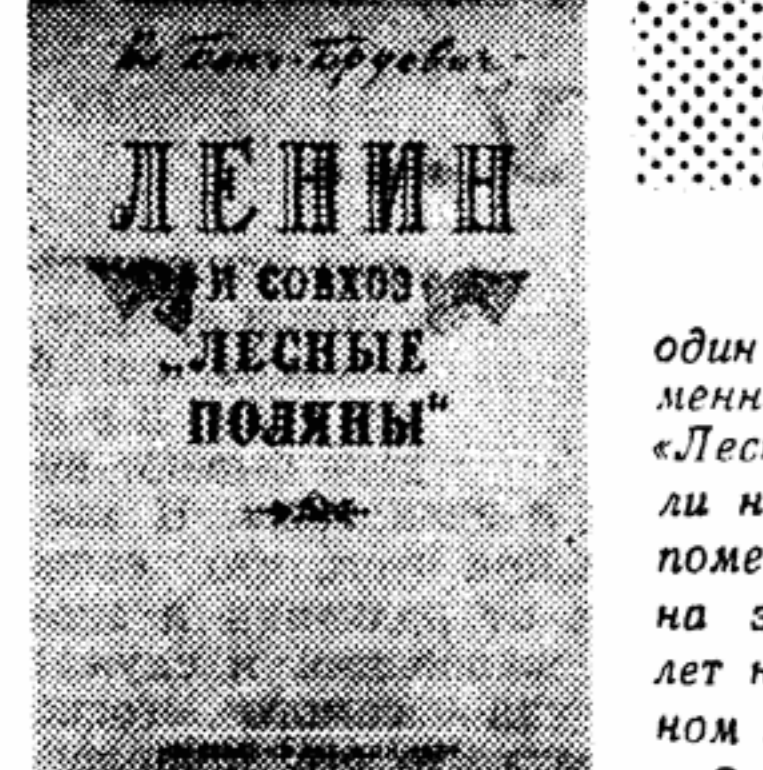
О том, как зародилась идея создания этого союза, как она была превращена в жизнь и как интересовался реализацией этой идеи В. И. Ленин, вспоминает в Бочке Бруевича в своей книжке «Ленин и советские лесные поляны»...

В воспоминаниях и в книге Бруевича, а также в книге «Лесные поляны»...

Юбилейная серия Гослитиздата

и рассказы разных лет. Многие произведения значительно переработаны автором для этого издания. Недавно вышла книга А. Серафимовича «Железный поток»...

НЕДАЛЕКО от Москвы раскинулось угодье одного из первенцев совхозного строительства «Лесные поляны», созданное в 1919 году по указанию Владимира Ильича Ленина.

Е. РЯБИЧКОВ

МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ!

ТИХО было в Калуге. Спали поросшие травой носообразные улитки. Спали деревья за палисадниками. Спал город. Только где-то далеко-далеко за палисадниками, за заборами и рощами, мечтательный голос пел «Чудный месяц плывет над рекою...»

Месяц плыл над Калугой. Светлый, задорный молодой месяц. Я смотрел на него, сидя на дощатом крыльце неказистого дома, обшито тесом. Поникнуть этот дом, в котором я только что услышал нечто фантастическое о Луне и Марсе, о межпланетных траассах, было совершенно невозможно.

Старый большой человек, в очках, с впалой грудью, с седой бородой, сидел в этом доме в кресле и, перебирая восковыми пальцами страницы раскрытой книги, глядел куда-то в темный угол комнаты, и громко, как это делают глухие или полуглухие люди, говорил о знакомых и близких ему мирах. Вслепую примерно так, как мы говорим сейчас о Янзани или Тамбове.

Циолковский был бледен, часто нахляп и, когда клался, закрывал глаза. Но из его старческого кашля, из медлительности речи, из сутововатости фигуры — ни что земное, будничное, не могло ослабить впечатление от слова и смелой мысли этого человека, уводящей с поверхности нашего окаменевшего шара в ту беспредельную, таинственную даль мироздания, где свершают свой вечный путь планеты и звезды, где проливаются космические дожди и тянется знакомый с детства серебристый Млечный Путь.

Тогда, более 20 лет назад, мне казалось, что я встретил пророка, нежителя, вильфемского мудреца, словно явившегося на Землю из Галактики. И чертени, и настольная лампа, и книги, и формулы, при всей своей прозаической реальности, только усиливали это впечатление.

Человек не будет вечно жить на Земле — он завоеует околоземное пространство. Ракеты пронесут Вселенную и донесут человека до ближних и дальних планет. Будут созданы искусственные спутники Земли... Что спутники! — вокруг земного шара будут двигаться «небесные острова» — сочленения спутников, гелио-электростанции, котрых дядя Людо свет и тепло, и в космических оранжерях и теплицах будут благоухать цветы и вызревать овощи.

Циолковский рисовал картины будущего настолько ярко и зримо, что казалось — вот он поднимет рукой с поверхности Луны астероид, взглянет на него сквозь очки и скажет: «М-да... Это и есть кусочек соседней планеты. Полюбуйтесь им, — ведь когда-то считали, что это невозможно...»

В ту пору, когда К. Э. Циолковский пылко мечтал о ракетных маршрутах к звездам, в стране только-только расправлял свои крылья наш воздушный флот. Скорость самолетов в 100 километров казалась необычайной. Во многих местах появились аэропланы было целью соблазнить, и посмотреть на него сбегались стар и млад. Тогда еще не были обследованы целые континенты, и карта Земли встретила гигантскими «белыми пятнами». Еще не проиллюстрировал человек в верхние слои атмосферы и не знал истинных глубин стратосферы Васенко, Федосенко и Усыкия закончился трагедией. А Циолковский мечтал. Как страстно, искренне и уверенно мечтал он о деде, когда люди, построив на земле коммунизм, раскрыв многие тайны природы, устремятся к иным планетам, чтобы и там, в космосе, силой своего гения вдохнуть в них жизнь!

ЗАВОРОЖЕННЫЙ Циолковский, уехал из Калуги, а 1 Мая 1933 года услышал по радио записанную на пластинку вдохновенную речь великого ученого.

«Представляю себе Красную площадь столицы, — доносился из репродуктора знакомый голос. — Сотни стальных стреноз высятся над головами идущих колонн... Стальным пинам становится тесно. И в этот момент становится возможным и так, как теперь, когда наша партия и правительство, весь наш трудящийся народ, каждый труженик нашей Советской Родины дружно принялись за осуществление дерзновеннейшей мечты человечества — завоевания заоблачных высот...»

Теперь, товарищи, я точно уверен в том, что и моя другая мечта — межпланетные путешествия, — мною теоретически обоснована, превратится в действительность.

Сорок лет я работал над реактивным двигателем и думал, что прогнул на Марс начнется лишь через много сотен лет. Но сроки меняются! Придет день, и придет писатель, который, пусть с опозданием, смелым и умным своим пером нарисует, кем был и будет для человечества Циолковский, поведаст о его изумительной жизни и борьбе, полной такого трагизма, каких драматических конфликтов, такой скрытой героики и такого скромного мужества, что будущее снимет шапку перед подвигом ученого, перед его судьбой.

О писателе пока приходится мечтать. Пройдите сегодня, в столетнюю годовщину со дня рождения великого русского ученого К. Э. Циолковского, по книжным магазинам, — где та книга, где писательские художественные полотна, где голос поэта, ясно и полно вещающие о родоначальнике реактивной авиации и космических ракет? Нет, таких книг еще нет. Но она будет, ибо даже самая бедная, пусть самая краткая, история жизни Циолковского не может не захватить сердце большого художника.

Вот он, мальчишкой, бродит с отцом-лесником по рязанским лесам и слушает его рассказы о деревьях, о повадках зверей и птиц. Вот он жадно читает первые книги, мастерит первые игрушки, делает станочек, на котором можно вытачивать детали машин; потом появляется модель автомобиля, движущегося силой пара, взлетает самодельный бумажный аэроплан; вот он смотрит ужом в небо и впервые чувствует неудержимое влечение к далеким и загадочным звездам.

Все понски, увлечения, раннюю пылкость едва не обрывает трагическая смерть. Мальчик спасает от смерти, но он остается на всю жизнь глухим. Он не слышит, как поют птицы, как шумят вокруг родные леса. Вот тогда-то и пришли на помощь ему книги. Они наполнили его воображение и познакомили с сильными людьми, пробудили в нем жажду к жизни, привили любовь к знаниям. Но в школьном классе подросток не мог расслышать слов учителя, и, кроме конфуза и неприятности, из учебы ничего не выходило. Остаться на всю жизнь недочеткой? Нет! Тысячу раз нет! Шестнадцатилетний, бедно одетый паренек покидает рязанские леса и едет в Москву. Большой город с его обжорными рядами,

К 100-летию со дня рождения К. Э. Циолковского

вереницами ломовиков, юродивыми около Иверской часовни, колокольнями, дворцами и подлечками, ошеломил Циолковского. Он бежал прочь от пестрых лазазов, осанствых городочков в тикхо и спойное место — в Румянцевский музей, в публичную библиотеку. Еще не открылись двери библиотеки, а Циолковский

уже нетерпеливо ждал, когда сможет получить заветный томик И. Ф. Федорова, дружные помощники юноше, вздыхал и покачивал головой: уж очень Циолковский осунулся, похуהל и стал бледен... Как же не осунуться — жить приходится впроголодь, всего на 90 копеек в месяц. Тут и оплата сугла, и стирка, и бумага. Вот и приходилось есть черный хлеб и запивать водой.

Но Циолковский не замечал, как гаснут его силы. Письма домой его были полны счастья — за первый год он сам, без школ и учителя, изучил физику и начал математику, на второй год занялся дифференциальными и интегральными исчислениями, сферической тригонометрией. Но до отца Циолковского дошли грустные сведения, — сын его исхудал и выглядит так, что «кряпне в гроб кладут». И тогда «вытребовал» он доведенного до истощения сына в Вятку, куда переехал с семьей. Там, в Вятке, Константину Эдуардовичу пришлось заниматься уроками, чтобы помочь дому, а когда семья в 1878 году переехала в Рязань, Константин Эдуардович сдал экзамены на звание учителя уездной школы и поехал в Борзове вести самостоятельную педагогическую работу. Здесь он женился. Пошли дети: школа и семья отняли много сил и времени, но молодой учитель продолжал увлекаться научной и технической литературой, ставил опыты, строил модели.

В жизни Циолковского наступил пора, представляющая особый интерес для писателя. В 1881 году двадцатичетырехлетний сельский учитель самостоятельно разрабатывает основы кинетической теории газов. За следующие работы — «Механика животного организма» — его избирают членом Физико-химического общества. Еще через два года издает первую книгу — «Свободное пространство». А в двадцать шесть лет К. Э. Циолковский уже занимается проектом управляемого металлического аэростата.

В СТАРОЙ России было немало гениальных самоучек. Но сколько погибло их, сколько предано забвению! Циолковскому повезло — его смелые работы, его дерзновенные мечты обратили на себя внимание передовых людей России: А. Г. Столетов, Н. Е. Жуковский, Д. И. Менделеев протянули руку молодому ученому, ободрили его, дали советы. Но даже они не могли огранить Циолковского от тягот жизни, от вечной борьбы за кусок хлеба.

Обремененный большой семьей, глухой сельский учитель вынужден был давать уроки — много уроков — и лишь урывками заниматься наукой. А тут еще погряд, уничтоживший многие его труды... Нежеланием напряжением воли сдерживал себя Циолковский, чтобы не впасть в отчаяние, «не сойти с круга».

Будущий писатель, очевидно, уделял большое внимание так называемому «кадуцкому периоду» жизни великого ученого. В 1892 году Константин Эдуардович переехал из Борзове в Калугу, в которой и работал до последних дней своей жизни. Нет, не легче стало ученому — все те же нехватки и те же недоедание и скептический взгляд имущих, попов и обывателей, все та же ироническая улыбка купчихи, и снова сырбита до соседней нужды. Приходилось знакомить на всем — на все мысли, на все начинания, чтобы ставить опыты, строить домашнюю аэродинамическую трубу, издавать книги. Чем дальше продвигался в своих трудах ученый, чем смелее рисовал он картины грядущих полетов в космос, чем увереннее рассчитывал ракету, тем злее, тем решительнее становились его недруги — чины в царских департаментах, князья церкви, реакционерные ученые. Они окрикнули его «кадуцким ученым», «кадуцким мечтателем», фантазером, путником гнусный слухом, будто он «ненормальный человек», если в слепой своей «гердыне перед господом богом» затевает бесовское дело — лететь на Луну и на Марс; за смутьяństwo они требовали предать его анафеме и забвению.

Так и решено было — заговором молчания, нуждой, запретом печатать его книгу поставить на колени ученого. Вспомним: у левой церкви был вывешен плакат Дюрдану Бруно... Но даже у расейской инквизиции не хватало сил покорить Циолковского — все превозмог он, все выстоял и выстоял в борьбе. Возможно, трагедией кончилось бы одиночество гениального человека, на века опередившего свой век. Но все изменилось. Опосанная полетными лентами, в солдатской шинели, с винтовкой за плечом, Революция вошла в калужский дом ученого и протянула ему теплую от пороха и крови руку. Польхали пожары, охватила гражданская война. Остановились все работы, инертные молчаливо окружали интерьеры молодую республику. Ленин рассылал продотряды за лесом и плетом в Пензу и Москву, во всем была нехватка, а заскорузлые руки рабочих и солдат печатали научные работы К. Э. Циолковского. Люди в шинелях жадно слушали его лекции о полете на Луну. И те же натруженные руки изготовляли в мастерских приборы для «кадуцкого мечтателя».

Революция разбила заговор молчания вокруг ученого. В 1919 году К. Э. Циолковский избран членом Социалистической академии, правительство создает ему необходимые условия для научной работы. Только работай, только творил!

Тогда-то ученый и изменил все свои сроды, все свои расчеты в планах штурма звездного мира. Уже в 1935 году — в год смерти К. Э. Циолковского — мне привелось присутствовать при запуске ракеты. М. Тихонова, Ф. Цандер создали ракету — предтечу нашего современного межконтинентального баллистического снаряда. Когда я увидел стоящую на бетонной плите, на специальном металлическом направляющем устройстве ракету, то невольно вспомнил калужский дом, резко очерченный профиль Циолковского и словно услышал его слова: человечество завоеует околоземное пространство.

Ракета была маленькая, примитивная, но казалась верхом достижений науки и техники. Как все волновалось во время ее подготовки к запуску! Но вот сигнал. Мы ушли в подземное сооружение кирпичного дома и прильнули к пририскам. Взрыв. Огненный смерч. Ракета исчезла. Высота ее полета была незначительной, но и Пржевальский, и Козлов, и Арсеньев, и Обручев когда-то тоже учились делать первые шаги!

Ныне, в эпоху атомной энергии, радио, электричества, кибернетики, ракета Циолковского преобразилась авиацию, изменила характер исследования верхних слоев атмосферы. К столетней годовщине со дня рождения К. Э. Циолковского

На стройке Куйбышевской ГЭС

СЕГОДНЯ старинные Ингулы глядят в широком разломе Куйбышевского моря. Море это — громадная колоссальная электростанция. Могучие водоплавающие птицы плавают в водах, колесами кружатся гидроагрегаты. Куйбышевская ГЭС уже дала народному хозяйству свыше 6 миллиардов киловатт-часов энергии. В 1928 году все электростанции нашей страны не вырабатывали такого количества электроэнергии, как сейчас вырабатывает одна Куйбышевская ГЭС в действие на полную мощность. Скоростными темпами идут работы по возведению агрегатных блоков электростанции. В августе 1954 года энергостроитель В. Виталева, генераторщик И. Дзюндзани и А. Журавлева в рекордно короткий срок — в 41 августа — опустили в кратер пятнадцатого агрегата все узлы и детали турбины и генератора. Установлено проектное положение рабочие колеса шестнадцатой турбины... Последний, двадцатый агрегат войдет в строй 15 октября. Идут последние дни строительства. Стало уже упоминать около 90 тысяч кубометров бетона.

114 миллиарда киловатт-часов электроэнергии даст в год одноименное хозяйство Куйбышевской ГЭС — в пять раз больше выработки всех электростанций доволночной России.

На снимке монтаж оборудования на стройке электростанции Куйбышевской ГЭС. Фото А. Узяева

Герою вручена награда

МНОГИЕ читатели нашей газеты помнят, вероятно, очерк Яна Виленского «Мужество», посвященный герою Советского Союза, летчику-испытателю Михаилу Девятаеву. В нем рассказывалось о замечательном подвиге советского летчика-парашютиста, совершившего вместе со своими товарищами побег из фашистского плена в самолете «Авиала-11». За шесть прошедших месяцев редакция получила множество писем, в которых читатели восхваляли мужеством, героическим поступком советского патриота, интересовавшись судьбой М. Девятаева и его товарищей.

15 августа Президиум Верховного Совета СССР присвоил Михаилу Петровичу Девятаеву звание Героя Советского Союза и медали «Золотая Звезда». В минувшую субботу в конференц-зале Главного штаба Военно-Воздушных Сил Главнокомандующий ВВС СССР маршал авиации К. Вершинин вручил Михаилу Девятаеву «Золотую Звезду». На церемонии вручения присутствовали генералы и офицеры Военно-Воздушных Сил, сотрудники Министерства реального флота РСФСР, в системе которого сейчас работает М. Девятаев. Маршал тепло поздравил героя.

Ваш побег на самолете не был вместе с девятью товарищами — беспримерно мужественным, героическим, сказал К. Вершинин. Удало вам столько больших успехов в работе и счастья в личной жизни. М. Девятаев удостоеново ответил: Служу Советскому Союзу! В тот же день М. Девятаев вместе с бывшим командиром истребительного полка, где он служил, гвардии полковником В. Боровым посетил редакцию «Литоватурской газеты». Михаил Петрович просит передать всем читателям сердечную благодарность за внимание к нему и его товарищам, за те сотни теплых писем, которые он получает. За последние время ему удалось разослать по почте в скором времени Михаил Петрович рассчитывает увидеться с ними. Сейчас он работает в Казани капитаном скоростного теплохода «Ракета», совершающего рейсы Казань-Горький. Министерство реального флота РСФСР за достигнутые героические успехи наградило М. Девятаева значком «Отличник социалистического соревнования реального флота». На снимке: Герой Советского Союза М. П. Девятаев. Фото В. Томина

ДОБРОГО ПУТИ! СТИХИ АЛЕКСАНДРА ЛЮКИНА

В МОСКВЕ гостит большая группа поэтов из Горького и Кирова. Они встречаются с московскими писателями, выступают на предприятиях, в учебных заведениях. Много интересного, живого, поэтически нового привнесли в Москву наши гости.

Мне хочется обратить внимание читателей на стихи одного из них — Александра Люкина.

Александр Люкин — не «начинающий» в жизни. Еще до войны он уже работал слесарем, участвовал в Отечественной войне рядовым, после войны он снова на заводе в Сарове. Но для литературы он — молодой автор, его первое стихотворение было напечатано только в 1950 году в заводской многотиражке «За ударные темпы».

И стихи Люкина — уже не юношеские стихи. Это стихи человека, немало видевшего, переживавшего и понимающего. Они не поражают внешним блеском, радугой юношеского темперамента, который все расцветает своим сиянием. Это стихи спокойные, тихие, вздумчивые. Вот одинокая женщина

Пришла с работы, пол помыла,
Белье отгладила — и вот
В колени руки положила
И отдыхает у ворот.
А вечер синий, синий, синий.
И тишина. И слышно ей:
Не то в кустах, не то в малине
Тихонько шелкнул соловей.
И в синеве несется звуки,
Повисла в воздухе, дрожат...
Душа взволнована, а руки
Еще по-прежнему лежат.

Здесь нет никаких лишней слов, длинных рассуждений, но из этих двенадцати строк отчетливо встает перед нами образ одинокой женщины, безмолвно сидящей после работы у ворот своего дома.

Герои стихотворений Александра Люкина — простые, скромные люди, не избалованные вниманием, как и сам автор. Есть у него стихотворение «Памятник»:

Он век трудился, устал не зная,
Век хлопотал в цеху у верстака.
А если бы ему судьба такая —
Что памятник отлили б на века —
Стоял бы он, стесняясь бы кого-то,
Широкой грудью раздирал бы медь,
А руки, отнятые от работы,
Так и не знал, куда бы деть.

Когда Александр Люкин читал свои стихи в Москве в Союзе писателей, он также не знал, куда деть руки, стесняясь, читал тихо и неуверенно, но весь зал оживил, задвигался, все заулыбалось, обрадовались, почувствовали в стихах неподдельную поэзию.

Александр Люкин пришел в литературу с большим жизненным опытом, но с юношеской чистотой и застенчивостью душевной. Хочется пожелать ему глубокой литературной учебы, больших успехов в поэзии.

Михаил ЛЬВОВ

БОЛЬШЕВИК

**На аэлаторе в голодный год,
Спасая от бескормицы народ,
Хлеб уложив в последний грузовик,
Голодной смертью умер большевик.**

Зарыт он в поле, как в село идешь,
Там холмик, а за ним все розь и розь.
И кажется, что розь идет к холму,
Чтоб поклониться до земли ему.

За хлеб, за соль спасибо говорят,
За деньги, что давали мы кому-то,
За добрую улыбку, теплый взгляд
И за совет в тяжелую минуту.
За ту любовь, которой на года
Согрели сердце чье то вы...

И даже
За правду горькую, бываея иногда,
Когда пройдет горячка, тоже скажут.

ТЕНЬ
Смешная тень!
Ша по живью,
Травой,
По острым шла
камням,
Не отставала.

Но только грянул
Гром над головой,
Не светит солнце
мне —
Ее как не бывало.

У КОЛОДЦА

Воды студеной зачерпнула
В колоде мелком за
избой,
Потом в колодец
заглянула
И вот любуется собой.

Нахмурит брови,
улыбнется,
Глаза скосит и руку в бою,
И, заострившись, выдвигает
Под ситцем тонкий
локоток.

Девчонка, отродясь,
едва ли
Знавала, с чем любовь
едят.
Куда же парни запропади,
Что на нее не поглядят?

Собрание сочинений Анатоля Франса

НЕСКОЛЬКО дней назад началась подписка на собрание сочинений А. Куприн, предприятие Гослитиздатом, а в ближайшее время читателей ждет новая подписка — на собрание сочинений Анатоля Франса в восьми томах. Первоначально оно было задумано как 14-томное. Состав его не изменил, но увеличил объем томов.

Наши читатели получат, наконец, почти полный свод художественных произведений замечательного писателя, чье имя, по выражению М. Горького, будучи свергнут в веках в короне славы Франции, впервые обстоятельно познакомился мы с Франсом-поэтом. На русский язык были переведены лишь немногие его стихи. А ныне в первом томе публикуется его избранные стихотворения и драматическая поэма «Коринфская свадьба», написанные еще до того, как их автор стал прославленным романистом. Много лет не переводился его ранний роман «Желания Жана Сервена». Много нового для нас, а также давно не публиковавшегося вошло в восьмой том посвященный историко-литературным и литературно-критическим работам, в частности, избранные статьи из серии «Литературная жизнь» и «Латинский гений», лекции о Рабле, избранные письма, статьи и речи.

Подготовка к печати собрания сочинений подходит к концу. Много времени заняло обсуждение кардинальных вопросов издания: какое собрание сочинений писателя взять за основу? Какого принципа придерживаться при распределении произведений по томам и в каких переводах их печатать? Что именно отобрать из богатого публицистического наследия писателя? Каким должно быть оформление и т. д.?

Поэтому мы взяли, — сказала нам член редакционной коллегии издания и его составитель профессор Валентина Дынкин, — считающееся лучшим и наиболее полным иллюстрированное издание Кальман-Леви, в составлении которого участвовал сам автор. Оно было задумано как юбилейное, в связи с 80-летием писателя, но он не дождался выхода первого тома, появившегося в 1925 году. Как и в издании Кальман-Леви, принцип расположения материалов в новом издании хронологический, за исключением пьес: они собраны в пятом томе. Все художественные произведения даются в новых или вновь отредактированных переводах. Ограниченный объем издания, мы не смогли дать полное собрание сочинений. Поэтому пришлось отказаться от печатания части поэтических произведений, не вошедших в сборник, рассказы, отдельные повести, исторической работы «Жизнь Жанны д'Арк», а также ряда публицистических работ. Мы считали, что эти вещи не являются принципиально важными в бесценном литературном наследии писателя.

Первые два тома уже сланы в печать и должны выйти до конца года. Кроме поэтических произведений, о которых уже упоминалось, в первый том включены повести «Июста», «Тоши кот», роман «Преступление Сильвестра Боннара» и начало автобиографической тетралогии «Книга моего друга».

Клуб писателей Казахстана

АЛМА-АТА (Наш корр.). Здесь открылся клуб писателей Казахстана. В его просторном зале состоялся первый вечер, посвященный поэтическому переводу. Критик Н. Ровенский рассказал о работе русских поэтов республике над переводами произведений казахских поэтов. Новые переводы стихотворений прочитали Л. Кривошеин, Ф. Моргун, А. Брагин, Д. Рябуха, В. Антонов. Интересно прошло обсуждение этих работ.

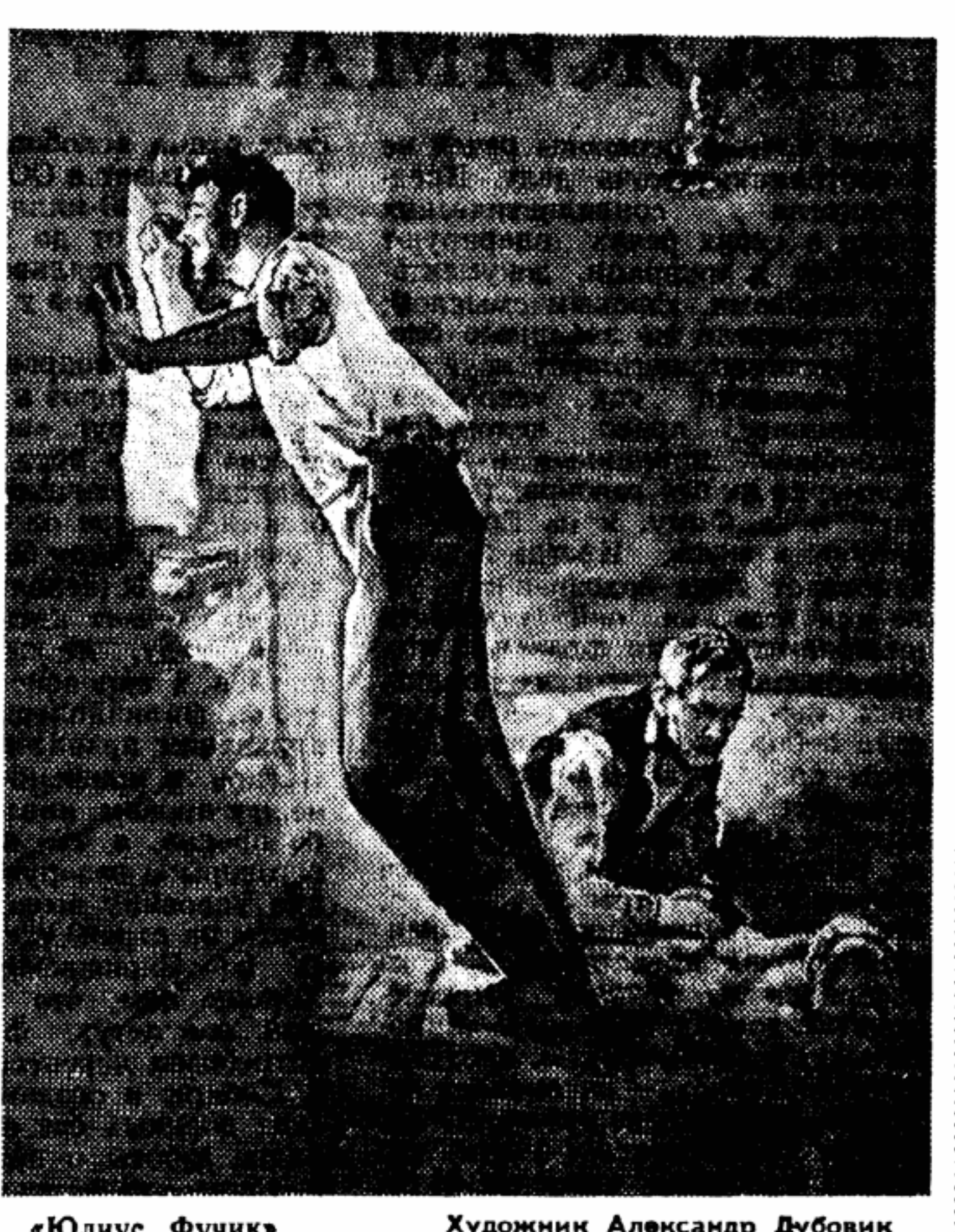
В клубе писателей будут проводиться творческие вечера, встречи с деятелями науки, искусства, переводчиками, производством, читательские конференции, просмотры новых кинофильмов.

ПОЧЕТНЫЕ ГРАМОТЫ МОСКОВСКИМ ПЕРЕВОДЧИКАМ

НА ДНЯХ в Союзе писателей СССР состоялось вручение Почетных грамот Президиума Верховного Совета Татарской АССР группе московских переводчиков, принимавших активное участие в подготовке первой декады татарского искусства и литературы в Москве.

Мы от всего сердца благодарим москвичей за их большую дружескую помощь в проведении смотра творческих достижений писателя Татарии. — сказал Председатель Президиума Верховного Совета Татарской АССР С. Низамов.

Всего награждено тридцать два человека.

«Юлиус Фуцинк» Художник Александр Дубовик

БИБЛИОТЕКА ДРАМАТУРГА

ИНТЕРЕСНОЕ начинание предприняло издательство «Искусство» — с 1955 года будет выходить периодическое издание «Библиотека драматурга».

Цель, которую мы преследуем, — сообщить нам в издательстве «Искусство», — ознакомить советского читателя с творчеством тех драматургов, чьи произведения давно или вообще не издавались на русском языке, стали почти библиографической редкостью. Библиотека будет состоять из отдельных сборников сочинений драматургов всех стран. Намечается ежегодно выпускать по десять томов.

Первая серия — она рассчитана на два года — включает двадцать книг таких авторов, как Эрих-Фридрих Шлегель, Э. Лабрюйер, М. Метерлинк, Ф. Мольер, Л. Пиранделло, К. Чапек, Э. Ростан, М. Старицкий, А. К. Толстой, А. Ширванзаде, Г. Гауффман, Е. Блауэман, П. Кальдерон и другие.

Читателям предоставляется возможность подписаться как на всю серию, так и на отдельные томы.

В последующие серии войдет драматургия Эскила, Софокла, Теренция, Тирсо де Молина, А. Мюссе, О. Уайльда, Дж. Синга, А. Стриндберга, И. Вазова, И. Гюблерина, М. Ахундова, А. Цагарелли, Ж. Расина, А. Дюма-отца, П. Марииво и многих других писателей.

За нерушимое единство литераторов под знаменем партии

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Пользуясь тем, что я вижу здесь партийное руководство многих городов Федерации, я хочу просить внимания к писателям, работающим в вашем городе.

Между нами говоря, писатель — существо, как бы сказать, нежное, чувствительное, нечто вроде тех саженцев, которыми вы озеленяете свои города. Но прямо удивительно — до чего это растение хорошо плодоносит при минимальном заботливом уходе! А забрось его, особенно на первых порах, оно либо засохнет, либо вырастет в такую орлянку, которая никого не порадует. А нужно-то ему очень немного. Пригласите его на свои разговоры о делах города, края, покажите ему жизнь, пошлите на новостройку, на уборку урожая — только не на подомлете, а хоть, на худой конец, учитечком. Окажете ему доверие — попросту напишите статью, очерк на тему, которая вас самого тревожит. Партийное внимание к писателю — великое дело.

И уж, конечно, поинтересуйтесь, как он живет. Вот, например, в Челябинске детская писательница Лидия Преображенская живет с семьей в полуразвалившемся бараке, проверьте это, пожалуйста. Или в Ярославле молодой поэт Юрий Ефремов, о котором мы столько раз вам писали, живет в сырой коммуналке, а другой большой писатель, товарищ Абдулкалилов, находится в Черкесске тоже в очень плохих жилищных условиях. В Улан-Удэ есть Раиса Белоголазова, дочь машиниста-железнодорожника. Она с детьми лет прикована болезнью к постели, тем не менее окончила среднюю школу, поступила в комсомол, получила диплом Института иностранных языков, написала две книги о советских людях. А живет она (вернее, лежит) в одной комнате со всей семьей. В Свердловске писатель Ефим Румянский, тоже большой, проживает в одной комнате с семьей из пяти человек, и мы с 1940 года никак не можем ему отсюда помочь.

Очень просим вас обратить внимание на этих товарищей и посмотреть у себя на местах, не надо ли помочь еще кому.

Но главное, чего мы от вас ждем, это идейной помощи писателям, особенно молодым. Вот недавно в Ленинграде чуть не загубили хоршего и честного молодого писателя Эдуарда Шима. Как видно, в свое время ему заморочила голову модная болтовня о «смелости», об «объективности» — и в книжке его рассказов, уже готовой к печати, оказались такие, которые могли бы принести ему дурную славу, о какой он и не думал. Произошло это, во-первых, от безответственного захлывания этих рассказов «советчиками», а во-вторых, от столь же безответственного отношения редактора к важнейшему делу по отношению к молодому писателю. Если бы старшие партийные товарищи не обратили внимания издательства на ошибку молодого автора, был бы нанесен ущерб талантливому писателю. В беседе с товарищем Шимой я убедился, что он верно оценил случившееся и

что книга его, над которой он продолжает работать, будет хорошей книгой. Из этого примера видно, как важно, когда партийное руководство держит крепкую связь с литературной организацией города.

Наши зарубежные противники, стремясь доказать свой старый тезис о бесперспективности советской литературы, утверждают, что великие произведения искусства почти всегда по своей природе бывают оппозиционными или, по крайней мере, являются вызовом установленным нормам. И поэтому, мол, требовать от писателя относиться к окружающей действительности позитивно — означает обречь его на посредственность.

Да, великие произведения искусства почти всегда были оппозиционными, — но по отношению к чему? По отношению к тому режиму и к той власти, которые в их эпоху являлись аппаратом насилия над народом, орудием его угнетения. Но ведь с того самого октябрьского вечера, сорокового годовщины которого мы скоро будем с торжеством и благодарностью праздновать в благодушном обществе появилась новая, небывалая до того власть огромная, подавляющая большинство всего состава народа — власть рабочих и крестьян. Следовательно, для выражения души народной, для литературы, отпала необходимость протестовать против власти, поскольку эта власть — своя, народная. Вместе с тем исчезла и обличительность, бывшая важнейшим и передовым качеством дореволюционной русской литературы. Важен этого важнейшим и передовым качеством советской литературы является ее утверждающее начало: советская литература не протестует против советского строя, а, наоборот, защищает его.

Дело другое, что советские писатели — и коммунисты, и беспартийные, стоящие по отношению к своей власти и партии на одинаковых позициях, — должны правдиво и гневно быть по всем недостаткам, мешающим великому нашему делу, быть по недостаткам нашего общества людьми, для которых равнодушие или забота о личном благополучии являются великой целью. Но это не имеет никакого отношения к оппози-

ционному обличительству. Эта критика, которая может быть гневной, резкой и страстной, не имеет также никакого отношения и к произведениям тех близоруких писателей, кто, увидев в своем кривом и пыльном зеркале частные недостатки, увеличивает их до уродливых обобщений, воображая, что режет «правду-матку», или живописует со смаком негодяя так, что фигура его заслоняет собой столько честных людей, или, нецензурно и бестолково, или, по крайней мере, является вызовом установленным нормам.

Мы — за критику, но не за смакование плохого, мы — за крепкий и злой удар, но нацеленный верно. Мы — за правдивый показ любой тени, омрачающей нашу действительность, но при одном условии: что действительность эту мы видим в лучах того солнца, к которому идем, солнца коммунизма.

Советская литература целиком и нераздельно служит интересам партии и народа с первых лет Советской власти, и она гордится этим вопреки злобному лаю о ее подчиненности. Мы стояли и будем стоять за партию, за народ, за его Советскую власть. Вся кровь своего мозга, в котором рождаются и зреют наши книги и стихи, мы отдавали и будем отдавать до последней капли делу Советского государства, делу Коммунистической партии.

О какой подчиненности, о каком ущемлении наших писательских прав можно толковать? Партия не командует нами, писателями, она руководит. Не признаывает, а признает. Не подчинит себе литературу, а берет ее в союзники.

И так же как мощь Коммунистической партии состоит и состоит в ее ленинском нерушимом единстве, так и мы, советские писатели, должны быть в монолитном коллективе, едином по идее и по поступкам. Именно таким и мечтаем мы видеть наш Союз писателей Российской Федерации. В этом нозом боевом взводе великой армии освобождения человечества русские и татары, москвичи и сибиряки, якуты и адыгейцы, ленинградцы и чухачи будут стоять плечом к плечу, перо в перу, сердце к сердцу под знаменем партии.

ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

КАНДУЮ субботу в Москве, на площади, носившей имя Владимира Маяковского, поэта, для которого общение с читателем было такой же потребностью, как творческий труд, состоялось собрание московских поэтов. Встречи с писателями на открытых эстрадах площадей в парковом государстве, вызывают широкое общественное внимание.

Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР проводит тематические и жанровые вечера, посвященные Октябрью.

На крупнейших предприятиях столицы и Подмосковья, в колхозах и воинских частях состоится вечера — «Наш бессмертный Ленин», «Этих дней не смолет слава», «Советские писатели о Великом Октябре», «Горькой своей Родины» и другие.

Славный день будет посвящен и День поэзии, который в этом году проводится в октябре не только в книжных магазинах, но и на площадях столицы.

Предстоят вечера, посвященные детской литературе, драматургии, кинодраматургии, советскому чернуку.

В предоктябрьские дни в столице состоится более сорока встреч с читателями, в которых примут участие около 400 писателей.

ШИРОКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

СТРЕМЯСЬ укрепить связи с литераторами, живущими на периферии, Оргкомитет Союза писателей РСФСР пригласил в Москву группу поэтов из Горького и Кирова. Обсуждение их произведений в Союзе писателей, творческие встречи с видными литераторами, с трудящимися Москвы дали гостям столицы много полезного.

В редакции «Литературной газеты» писатели-волжане встретились с журналистами и критиками, товарищами по перу. В оживленной беседе были затронуты коренные вопросы жизни и творчества литераторов из областей, проблемы, связанные с созданием Союза писателей Российской Федерации и предстоящим первым Всероссийским съездом писателей. Участники встречи привели немало ярких фактов, свидетельствующих о том, какое исключительное значение для дела дальнейшего расширения и активизации литературного процесса на местах имела публикация изложения выступлений Н. С. Хрущева — «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

То положение, какое существовало до последнего времени в издательской практике на местах, — говорит М. Шестериков, — никак нельзя признать нормальным. Вот Горьковский книгоиздательство. Настоящей творческой работы с писателями области здесь не ведется. Больше того, уже готовые книги «маринуются» долгие месяцы. Потеряв надежду обратиться на себя внимание областного издательства, молодые поэты стали выпускать стихотворные сборники при заводских многотиражках. Так в этом году появились кни-

ки «Начало пути», «Огни автозавода», сборник «За Волгой-река», изданный в г. Бор. В них десятки произведений, в том числе немало довольно интересных... Почему же они не могут пробиться к широкому читателю?

О «делах издательских» говорит и М. Львов:

— Работники Союза писателей СССР, стремившиеся охватить своим руководством все писательские организации страны, естественно, не могли уделять достаточного внимания литераторам областей и краев нашей Федерации. И те, по сути дела, часто оказывались предельно забытыми самим собой. Путь начинающего литератора к читателю лежит через издательство, через книгу. Между тем в областях терпеливо выжидают, когда молодого заметят в столице. Но какое московское издательство, какой журнал систематически занимается периферийными авторами?.. Теперь появилось новое издательство «Советская Россия». Стоит ли говорить, сколь велики надежды, возлагаемые на него писателями из краев и областей РСФСР!

— Почему бы этому новому издательству или какому-либо другому в столице, — поддерживает М. Львова Н. Рыленков, — не взяться за выпуск еженедельника, которому так бы пристало имя «Литературная Россия!» Алмазах можно создавать за счет лучших произведений, и прежде всего принадлежащих перу писателей с периферии. Возможно, такой еженедельник привлечет куда большее внимание читателей, чем ныне существующий альманах «Литературная Москва!»

Затрагивая другой не менее важный вопрос — о связи литераторов с местными газетами, Н. Рыленков рассказывает, как газета помогает писателям окунуться в самую кипель жизни, принять конкретное участие в решении больших общенародных дел, совершенствовать свое мастерство. Но в редакциях не всегда умеют полно оценить эти стремления, использовать возможности, заложенные в плодотворном сотрудничестве газеты с литераторами области. Случаются и более обидные вещи, когда иные редакторы, подходя к отбору произведений в газету слишком широко, «кулигарино» попросту дезориентируют своих авторов, особенно поэтов. А ведь у нас есть отличные примеры, когда не гделибо, а именно в газете вырастают яркие, разностронние поэты, — вспомним хотя бы творческий путь М. Исаковского!.

Если бы сейчас, готовясь к знаменательной годовщине Октябрья, местная газета сумела объединить усилия и более редакторы, подходя к отбору произведений в газету слишком широко, «кулигарино» попросту дезориентируют своих авторов, особенно поэтов. А ведь у нас есть отличные примеры, когда не гделибо, а именно в газете вырастают яркие, разностронние поэты, — вспомним хотя бы творческий путь М. Исаковского!.

В результате была написана книга «Театр китайского народа», которая только что выпущена издательством «Искусство». В этом труде рассказывается о народных представлениях, о формах и выразительных средствах китайского искусства народного театра, художниками у С. Обермана написан большой материал о богатстве и разнообразии традиционного китайского театра и об особенностях современного драматического театра. Советский актер просматривает большое количество спектаклей. Особое внимание обращал он на близкое ему искусство кулоного и теневого театра, которое существует в Китае с давних времен.

В результате была написана книга «Театр китайского народа», которая только что выпущена издательством «Искусство». В этом труде рассказывается о народных представлениях, о формах и выразительных средствах китайского искусства народного театра, художниками у С. Обермана написан большой материал о богатстве и разнообразии традиционного китайского театра и об особенностях современного драматического театра. Советский актер просматривает большое количество спектаклей. Особое внимание обращал он на близкое ему искусство кулоного и теневого театра, которое существует в Китае с давних времен.

Очередной литературный «четверг» одесских писателей был посвящен творчеству поэта И. Рядченко — лауреата Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов. За книгу стихов «Навстречу штормам» он был удостоен первой премии фестиваля.

На встрече с поэтом, большинство произведений которого посвящено морю, людям флота, собралось более 500 моряков. И. Рядченко рассказал о своих творческих планах и прочел новые произведения — поэму «Передать Ивановой», лирические стихи.

Режиссер М. Винницкий рассказал о съемках кинофильма «Координаты неизвестны» (Одесская киностудия) по сценарию И. Рядченко. Затем состоялась демонстрация нового фильма, рассказывающего о мужестве и отваге советских моряков, попавших в тяжелое положение в дни Великой Отечественной войны, об их любви и преданности Отчизне.

Вечер поэта И. Рядченко

Очередной литературный «четверг» одесских писателей был посвящен творчеству поэта И. Рядченко — лауреата Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов. За книгу стихов «Навстречу штормам» он был удостоен первой премии фестиваля.

На встрече с поэтом, большинство произведений которого посвящено морю, людям флота, собралось более 500 моряков. И. Рядченко рассказал о своих творческих планах и прочел новые произведения — поэму «Передать Ивановой», лирические стихи.

Режиссер М. Винницкий рассказал о съемках кинофильма «Координаты неизвестны» (Одесская киностудия) по сценарию И. Рядченко. Затем состоялась демонстрация нового фильма, рассказывающего о мужестве и отваге советских моряков, попавших в тяжелое положение в дни Великой Отечественной войны, об их любви и преданности Отчизне.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР ЖИЗНИ

Обожженный зякоматом,
трепещет лист,
Будто пролил гранат
розоватый сок...

— так, картинной фруктового сада начинается поэма Ибрагима Ибрагимова (Кюбрили) «Освежающий ветер», изданная в «Советском писателе» в переводе А. Кронгауза. Это — эпическое повествование о людях, честного труда, верной любви, чистых помыслов и дел и о тех, кто ошибается и заблуждается в жизни.

В поэме немного действующих лиц, каждый из них не похож на другого, мыслит и действует совершенно своему мироощущению, жизненному опыту, характеру. Среди них романтичные настроенный тракторист Ильгар, с первого же взгляда влюбившийся в зеньевую Камилу; сбившийся с верного пути председатель колхоза за Гяис, брошивший жену; мать Камилы — Пакиза, женщина боевая, честная, принципиальная.

Поэт избрал острую жизненную ситуацию: Гяис оставил свою жену Марьям с ребенком в другом районе и мечтает о легком продвижении по служебной лестнице, собирается жениться на Камиле; ее мать, как он полагает, скоро должна стать секретарем райкома.

Но вскоре выясняется, что Пакиза по призыву партии осталась

работать в колхозе, ее избирают секретарем парторганизации, она смело критикует самовлюбленного председателя. Следующим ударом по честолюбивым мечтам Гяиса был приезд к нему жены с ребенком.

Поэт правильно подошел к художественной разработке женских образов. В некоторых азербайджанских поэмах они лишь пассивно ждут от главного героя решения своих судеб. У И. Ибрагимова Марьям — жена Гяиса — живой характер. Она понимает, что сыну нужен отец, и хотя чувство ее ослабло, она едет к Гяису, активно борется за сохранение семьи. Реалистичен и образ Камилы.

«Лишний» сюжет поэмы становится все более общественно значимым. Сделав неверный шаг в личной жизни, потеряв и Марьям и Камилу, Гяис постепенно скатывается к преступлению: он душит, что пошатнувшийся авторитет можно восстановить, получив Звезду Героя Социалистического Труда, получить любовь, хотя бы и нечестным путем. Блеск звезде, думает Гяис, таков, что ее сможет никто разглядеть тогда ни ошибок, ни старых грехов моих». Но и эта затея Гяиса проваливается. Сообщинка Гяиса

арестовывают, да и его самого ждет суд народа.

На плечо твое руку народ любя,
Положил.
Но награда напрасна та.
И народа доверие да тебя
Оказалось тяжелым.
Рука снята!

В сюжетной поэме И. Ибрагимова сильно звучат лирические отступления и среди них особенно разговор о соли, оставшейся от прошлого, но только в солончаковой земле, но и в сердцах людей. Этот разговор — своеобразная «исповедь» солончаков.

Я — слеза, мой друг,
Та,
Что выплывал правед твой
или дед.
Солью став, я изыла поля вокруг.
Надоела земля я
За столько лет.

Исповедь солончаков завершается призывом к человеку-труженику: изгони меня! изгони соль! — из земли, из душ людей. И, продолжая эту тему, автор показывает людей, свободных от старых предрассудков и пережитков. Он нашел краски, интонацию, благодаря которым мы явственно представляем себе и жаркий день в поле, и нелегкий труд тех, кто создает материаль-

ные ценности для нашего общества, и светлую радость людей свободного труда.

Всем колхозом —
Страда лопот горяча,
— Слева княит конешница,
Справа — плеча.
Заманулась колхозница кетменем,
Полуценное солонце мелкнуло в нем...

Руки движутся смуглые поутру
Или ветки колыхаются на ветру?
От стволос полосатая в поле
тень
Или это кетмень и еще кетмень?

Не хотелось бы заканчивать разговор о хорошей книге критическими замечаниями, но сделать их придется. Тракторист Ильгар сначала входит в поэму как подполковник участник назревающего конфликта, но в дальнейшем как бы отходит в сторону и пассивно следит за судьбой героев, их борьбой.

В ровном переводе А. Кронгауза, наряду с большим количеством беспорядочных поэтических удач встречаются и шероховатости, прозаизмы.

Чингиз ГУСЕЙНОВ

ЛОДЖ НАЖИМАЕТ КНОПКУ...

(Юнчиане. Начало на 1-й стр.)
о «любви к человеку», о «демократии», о «свободе» и т. д., и т. п. Слыша его, можно подумать, что мистер Лодж является столпом современного гуманизма, его самым бескорыстным поборником и миссионером в человечестве. Однако в то время, когда Генри Кабот Лодж на трибуне ООН перекричал черное в белое и надевал венки мученикам на головы садистов, вешавших и линчевавших рабочих горюха партии в Будапеште, в его родной Америке, в ее столь большом отдалении от здания ООН, линчевали ветров и против одного чернокожего мальчика идущего в школу, выстраивались оружье и воинские толпы расистов. Лодж не предостерегает, что думают родители этого школьника, затравленного и заулочьяного на самой заре жизни, читая рецензию Генри Кабота Лоджа, если они только умеют читать. Не трудно вообразить, как выглядят в их глазах белоснежные одежды американского праведника, аккредитованного при ООН. Впрочем, может быть, мистер Лодж и не считал нужным утруждать себя поисками всяких доводов, поскольку покорная ему машина голосования была настроена заранее и ему стоило только нажать кнопку, чтобы пустить ее.

С тщательно составленными декларациями о любви к ближнему своему выступили французский и английский представители. Они гордо стояли за интересы человеческой личности, за право народов на свободу и независимость. Мед и елей напали с уст их. Но благодать этой политической заутраги портилась тем, что отчеты об их выступлениях печатались в тех же газетах, в которых печатались и сообщения о провинциализме в Алжире и Омане. Все было и шло, как говорится, рассудку вопреки, наперекор стихиям. Когда советский представитель Соколов указал на расхождение их слов и дел, французский представитель черной молнией метнулся на трибуну и в явно нервном тоне заявил, что выступил со справкой в конце заседания. Мы прослушали и справку. Она сводилась к указанию на то, что французское правительство имеет беспорядное и неотъемлемое право проливать кровь алжирцев потому, что Алжир находится под суверенитетом Франции, и еще потому, что алжирцы ни за что ни про что обижали бедных и смиренных французских солдат. Таким образом, у французского делегата на лобцу заседания вылетело на головы присутствующих все, что он говорил вначале, и права человека, о которых он расписался так много, подолгу и нехотя, превратились просто в колонизаторскую политику... Доказав в своей справке, что виноваты оман, а пострадали воики, господин Пинко сошел с трибуны в сознании хорошо исполненного долга, а человечество, взвращенное с поантой надеждой на ООН, получило еще один образец классического лицемерия.

Еще более краткой оказалась справка английского делегата. «Нам обвиняют в том, что мы — колонизаторская держава, но посмотрите на сидящих в этом зале!» — театрально воскликнул он, явно намекая на некую «освободительную миссию» Англии. И верно, в зале сидели представители стран, которые на протяжении столетий обирались англичанами, были принудительными долорами, кровь которых бескорыстно потекла в переначавшуюся в жили английской экономики. Они теперь вырвались из когтей британского колониализма, вырвались. Не потому, что британский лев подобрел, а потому, что одряхлел, и еще более потому, что совершилась Октябрюнская революция, которая пробудила национальное самосознание народов и привела в действие такие освободительные силы, с которыми Англия уже не справится ни в одиночку, ни в союзе со своими партнерами, включая старшего.

В общем, представители американского блока под беспристрастным, а временами и просто скачущим взглядом принца Ван Вайтхаксона прокручивали на оновской трибуне весь запас старых магнитофонных лент. В зале было пусто и уныло; казалось, никто из западных делегатов ни в малейшей мере не заинтересован в серьезном разбирательстве отвлеченных и делу фактов. Им важно было провести свою резолюцию, а для этого существовали другие средства. У меня, человека на таких заседаниях нового, все время создавалось острое ощущение, что два мира говорят здесь на разных языках и

самые точные переводы речей не в состоянии помочь делу. Представители социалистических стран в своих речах оперируют фактами и цифрами, документами, доводами, здравым смыслом; представители же западного блока неустанно шеголят все теми же словами, как «свобода», «священное право человека», «всеобщие принципы» и т. п., примеряя их без разбора, так сказать, и на Фому, и на Ерему, и вкрявь, и вкось. Иногда в душу заползает даже подозрение — уж не для того ли они так часто швыряются этими фразами, чтобы позавидовать над их полными, нем смыслом? Ведь если в качестве поборника и защитника свободы по залу заседания перекатывается оброчный чанкай — представитель кукольного тайваньского цирка, то все становится допустимым. Кстати, этот разгневшийся на американских харчей представитель тоже взобрался на трибуну. «Превосходный доклад... В нем вымозжительно просятся факты, продумано заключение», — расписался он, хотя и без этого напоминания никто не сомневался в том, что факты просятся, известно даже, через чье сито, и что заключение хорошо продумано, понятно кем и в чьих интересах. Самое же забавное состояло в том, что тайванец учил венгерский народ демократии! В ложе журналистов кто-то засмеялся: «проща, а возмозжит!»

И если бы дело тут было только в самом тайванце, можно было бы лишь посмеяться и пожать плечами. Но дело ведь в том, что этот прыщ по милости американских отцов «свободы и демократии» занимает в ООН место представителя 600-миллионного народа Китая. Вот по его развинутому чувству справедливости и заботы о правах народов у американских праведников!

Но самые сокровенные замыслы организаторов и инспирировщиков вокруг «венгерского вопроса» выдал представитель Филиппин. С величием кулика на болотной кочке он наемкнул, что Венгрия не худо было бы исключить из ООН (вероятно, за то, что она не желает идти в американскую уду, не желает превращаться в европейский Тайвань), что он, филиппинец, отказывается в признании правительству Яноша Кадера, в признании, о котором, между прочим, никто филиппинец не просил, и что надо вести переговоры о разоружении только при условии вывода советских войск из страны, где они находятся по Варшавскому договору. Хорошо еще, что темпераментный, как петух, филиппинец не потребовал перенесения Москвы в Сибирь и создания американских военных баз на Волге в порядке заботы о правах человека и защиты независимости Советского Союза! От выступления филиппинца пахнуло таким древним политическим невежеством, что стало даже интересно, где только откопал такого защитника «свободы и справедливости». История еще не знает случая, чтобы от медведя в посудной лавке была польза лавке и посуде...

На заседании выступали и представители социалистических стран, включая представителя

Венгрии Петра Моца. По правде говоря, им выпадает трудная доля, они борются в труднейших условиях их серьезному подходу к делу противостоят не только патологическая наглость тайванца и невежество филиппинца, а вся круговая порука американского блока. Стену этого капиталистического сговора пробьет только время. Оно дождется впереди, а не назад. А пока что нет ничего удивительного в том, что на заседании была принята резолюция, угодная Генри Каботу Лоджу, что сохранен в целях дальнейшей провокации против Венгрии «комитет пяти» и в лице принца Ван Вайтхаксона выделен представитель, который должен непрерывно гальванизировать «венгерский вопрос», приносить покойника к стенке, чтобы он не устал. Вместо того, чтобы трезво обсудить обстоятельства дела и покончить с «венгерским вопросом» в интересах мира, его пытаются сохранить на повестке дня, поступая по принципу — гони зайца дальше...

Таким образом западные представители на заседании говорили о венгерском народе, а решение приняли в интересах американской политики и пропаганды. Права человека, так сказать, правами, а своя рубашка к телу ближе!

Когда далеко за полночь мы выходили на улицу после окончания заседания, над зданиями ООН гремел гром и по улицам хлестал не приносящий свести дождь. Погода явно ухудшалась.

Нью-Йорк, 16 сентября. (По телеграфу)

ВЕНГРИЯ В ЭТИ ДНИ

СПЕЦИАЛЬНАЯ сессия Генеральной Ассамблеи ООН по так называемому «венгерскому вопросу» пришла к своему бесславному концу. Делегаты американской «группы ямы» рассчитывают, что решение, принятое с помощью послушного им механизма голосования, позволит продолжить бессмысленную и вредную шумиху. Они забывают, однако, что прослушанный доклад «комитета пяти» безнадежно скомпрометирован в глазах венгерской общественности. Продолжать его рекламировать или высказывать новых пожеланий, готовых лгать за небольшую мзду, — занятие явно неблагоприятное.

В воскресенье газета «Неспасадиш» раскрыла многолетние безымянные свидетельства, на «показания» которых опирались американские представители и их единомышленники в ООН. Со страниц газеты не читателям вырываются банальные слова: «Христианский офицер. В конце войны он отключился» там, что пересказывает прощальные обороты из Венгрии в Гарлеминг и угоняет на запад венгерскую молодежь 12—18 лет. Сени — агент английской разведки. Янош Бани — получил от Хорти звание «героя», активный член фашистской партии. Бела Сах — старый агент «Интеллидженс сервис». Доктор Эдз Силаш — при режиссуре Хорти судебный деятель, прозванный «красавицей». Ласло Ольтяни — офицер хортистской контрразведки, в октябрьские дни прошлого года командовал группой бандитов; сейчас служит в «Интеллидженс сервис». Такова опора государственного департамента на прослаутом «венгерском вопросе».

Каким разительным контрастом по сравнению с мирной и трудовой жизнью Венгерской республики выглядит жалкая и неуныная шумиха, затеваемая вокруг «показаний» Силаша, Сени и им подобных! Человека, приехавшего в Будапешт, в первые же часы охватывает ритм большого города, жители которого умеют хорошо работать и хорошо отдыхать. На улицах, правда, еще заметны следы фашистского мятежа. Но рано быстро заживают. По сообщению Будапештского городского совета, за первые полгода в венгерской столице восстановлено почти три с половиной тысячи зданий, поврежденных в дни контрреволюции.

Чувство глубокой веры в созидательные силы народа не покидает и при посещении других районов страны. Я побывал на промышленной ярмарке в Надкёрбше. Некоторые дипломаты распространяли листовки о «нищете венгерского народа». Малая часть! Только на этой ярмарке было выставлено товаров на 7 миллионов форинтов. Там были продемонстрированы достижения сельского хозяйства и кооперативов. Успех венгерских трудящихся опровергает надежды империалистов, мечтавших поглотить руки на «венгерском вопросе».

Их постиг и другой, весьма чувствительный удар. Они бессилены и никак не могут примириться с тем фактом, что 200 писателей подписали письмо, protesting против грубого вмешательства в венгерские дела. Это письмо, о котором уже сообщалось в советской печати, полностью опубликовано здесь в суботнем номере газеты «Элет з молдапо». В нем подчеркивается, что венгерский народ не хотел и не хочет контрреволюции, что создание Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства, помощь советских войск ликвидировали опасность кровавой контрреволюции, спасли Венгрию от гражданской войны, избавили мир от опасности войны. Писатели, как патриоты, как верные граждане Венгерской Народной Республики, хотя способствовать укреплению общественного и хозяйственного положения страны, разрываями культурной жизни.

Писатель Тибор Барабаш, работающий в настоящее время над сценарием о венгерском национальном герое Матз Залка, рассказал мне, что венгерские писатели и актеры получают много писем из-за ру-

бежа, правдиво рисующих условия жизни в капиталистических странах. Ведущий артист Будапештского Национального театра Лайош Райци известный артист не может найти работу. Он и его товарищи могут тарелки, вот где настоящая нищета, а не в социалистической Венгрии, где все ищут некоторые дипломаты из Организации Объединенных Наций.

В эти дни венгерский народ отмечает 75-летнюю годовщину со дня смерти великого поэта Венгрии Яноша Араня. Эта дата приобретает сейчас особое значение. Вступление Араня в литературу приветствовал самим стихотворением Шандор Петфи. Известно также письмо Петфи Араню, где высказывались мысли о народности литературы, о связи литературы и политики. Арань творил в трудные годы, наступившие после поражения революции 1848 года. Надкёрбше, Поэт высоко держал знамя Петфи борясь за независимость венгерской нации. Вчера в Надкёрбше, где Арань провел около десяти лет, соборались государственные и партийные деятели, дипломатические представители, писатели, ученые, журналисты.

Жизненный путь великого венгерского поэта охарактеризовал в своем выступлении председатель Президиума Венгерской Народной Республики Иштван Доби. Он сказал, что Арань «был великим учителем, поэтом и служит замечательным примером для писателей и поэтов всех времен». Товарищ Доби подчеркнул, что современным венгерским писателям надо многому научиться у Араня, который хорошо знал мысли и чаяния народа, боролся за передовые идеи. Тов. Доби сказал, что хорошие надежды порождают писатели в ООН. В лечении ран, нанесенных контрреволюцией, продолжал он, в укреплении социалистического строительства мы можем рассчитывать на полное содействие наших писателей и поэтов.

Иштван Доби коснулся реакции Запада на письмо писателей в ООН. Империалисты объявили, что венгерские писатели якобы заставили подписать протест Организации Объединенных Наций. Я только могу сказать, заявил тов. Доби, что не было никакого принуждения.

Почтить память великого венгерского поэта приехало из Будапешта, ближайших городов и сел много людей. Идея борьбы за свободу, за независимость, идеи, за которые боролся Арань, близки венгерскому народу, живут в его сердце. Честная Яноша Араня, венгерские трудящиеся еще раз подтверждают свою решимость дать отпор любым прощам реакции.

Именно здесь, в Надкёрбше, я прочитал не домиках красочные надписи, сделанные, видимо, в дни октябрьских событий. Вот эти надписи: «Долой фашистов из рабочих Советов!», «Фашистов как можно быстрее в тюрьмы!»

Тибор Барабаш в беседе со мной вспомнил о пребывании в Венгрии Мартина Андерсона Нексе. В Дебрецене датскому писателю показали корки, которые дают 18 литров молока в день. Один из присутствовавших заметил, что в Дании один молока значительно выше — 36 литров.

— Эти 36 литров, сынок, — мягко возразил Нексе, — уходит из Дании в Англию, а выхи 18 литров остаются в стране.

Дело, конечно, не в цифре 18. Сельское хозяйство страны развивается, повышается продуктивность скота. Дело в том, что все в Венгрии принадлежит народу. Он отстаивает свои богатства от натиска контрреволюции, пытаясь вырвать Венгрию из социалистического лагера. Он самоотверженно строит социализм, трудится, чтобы жизнь в стране стала лучше. И никакие специальные сессии этого не изменят.

Венгрии Петра Моца. По правде говоря, им выпадает трудная доля, они борются в труднейших условиях их серьезному подходу к делу противостоят не только патологическая наглость тайванца и невежество филиппинца, а вся круговая порука американского блока. Стену этого капиталистического сговора пробьет только время. Оно дождется впереди, а не назад. А пока что нет ничего удивительного в том, что на заседании была принята резолюция, угодная Генри Каботу Лоджу, что сохранен в целях дальнейшей провокации против Венгрии «комитет пяти» и в лице принца Ван Вайтхаксона выделен представитель, который должен непрерывно гальванизировать «венгерский вопрос», приносить покойника к стенке, чтобы он не устал. Вместо того, чтобы трезво обсудить обстоятельства дела и покончить с «венгерским вопросом» в интересах мира, его пытаются сохранить на повестке дня, поступая по принципу — гони зайца дальше...

Таким образом западные представители на заседании говорили о венгерском народе, а решение приняли в интересах американской политики и пропаганды. Права человека, так сказать, правами, а своя рубашка к телу ближе!

Когда далеко за полночь мы выходили на улицу после окончания заседания, над зданиями ООН гремел гром и по улицам хлестал не приносящий свести дождь. Погода явно ухудшалась.

Нью-Йорк, 16 сентября. (По телеграфу)

СПУТНИЦА

Стал ли душу выжжет рок? Нет, взял нежно рукою, Широко манла даль дорог, Песня была со мною.

Перевел с чешского Алексей СУРКОВ

Словозацкого съезда сторонников мира, я попал на ридну Петра Безруча — в моравско-остравские края. После горячих митингов на Витковицких заводах, на металлургической новостройке, на шахтах мы поехали с местными поэтами в недалекий от Оставры городок, где живет престарелый автор «Силезских песен». Безруча к тому времени освобожденный народ его родины удостоил высокого звания народного поэта.

Зима была среднеевропейская, бесснежная, похожая на нашу полумосковскую осень. Попутая по жульским зимами Юанша Бески, наша машина в вечеру остановилась на окраине тихого силезского городка, перед маленьким, покрытым красной черепицей домиком. Мы позвонили. Открылась калитка. На крыльце лонка, встретив гостя, стала вежливо осыпать коренастый белоусый мужчина. Еще не каждый волос на его голове и в его коротко постриженных усах покрыла инеем зима жизни. Гада на него, виза, как легко он шагает, чувствуя его крепкое мужское рукопожатие. Тронуло было представить себе, что идет этому человеку восьмидесят четвертый год, что за спиной у него тяжелая работа не легко прожитых лет. Когда мы вошли в скромно обставленный домик поэта, поужинав на любую шахтерскую квартиру этой округи, когда хозяин остановился, чтобы поблагодарить гостя из далекой Москвы, я увидел, что глаза у Безруча — совсем молодые, пытливые, с залорной смешиной, глядеющей в глубине зрачков. Знакомство было быстрым. За чашкой кофе в омычской горничного мы уже токовали, как старые знакомые. Уважение к нашей стране и интерес к первому литератору из этой страны, которого он встречает, размыкнув замкнутый характер хозяина. С неприязненным юмором рассказывал он, как сбегал из лона, когда в дни его юбилея приехала из Праги делегация во главе с министром, чтобы чествовать любимого народного поэта. С ноткой грусти в голосе жаловался старый поэт, что уже приходится себя ограничивать в прогулках, что редко стал он делать походы на многократно названную в его стихах Лысю гору, прибежище легендарного Ондраша, что взобраться на гору еще и сейчас сравнительно легко, а вот спуск стал утомлять.

По нашей просьбе, хозяин наш читал свои старые прославленные стихи, читал стихи и гости. Мы попросили нашего хозяина, признанного златока народных песен, и он неожиданно, чтобы явить знаки уважения московскому гостю и его родные, спел еще 17 русских солдатские песни. Песни были старые, из тех, которые пели, наверное, еще александровские солдаты, исколесившие эти места в годы наполеоновских войн.

Слушая стихи, слушая много искореняемые слова солдатовских песен, навеваемых чуть архаичным старческим голосом, я вновь только на четверть поверил тому, что видел перед собой. Я видел перед собой образ человека, который посотин лет тому назад по праву сильного и дерзкого сказал о себе:

Вот как далеко от безобидного разлагательства своего деда. Но японский народ с явным возмущением прислушивается к подобным речам американских подоложков.

Японцы, заявил обозреватель газеты «Хоккайдо Симбун» Мотою Оцуи, «должны сейчас думать не об обороне своей страны, а о том, каким путем можно сохранить мир». Япония не нуждается ни в какой обороне. Нам чуждо быться кого-либо — сказал один из лидеров социалистической партии Японии Вада в беседе с американским бизнесменом Хули.

Укрепление дружественных связей со всеми народами, и прежде всего с соседними странами, вместо милитаризации под флагом «оборон» — такая программа, которую миллионы японцев диктует не эгоцентризм, а прагматичные интересы войными Авантюристические планы «альтернативы» из японо-американских концернов разобьются о решимость японского народа отстаивать подлинную независимость родины.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Алексей СУРКОВ

К девяностолетию со дня рождения Петра Безруча

Исполнилось 90 лет со дня рождения одного из самых своеобразных пролетарских поэтов мира, певца горя и бесповорота, гнева и венахиты силезских рудокопов в плавильщиках. Петра Безруча.

На заре рабочего движения в Чехии, в конце прошлого века, стал в местной печати появляться безымянные «Силезские песни», объединенные в вышедшей в 1909 году книге стихов.

Имени автора не было на обложке «Силезских песен». Но в ряде стихотворений автор называл себя Петром Безручем, именем широко распространенным в среде силезских горняков. Под этим именем в вошла он в историю чешской и мировой пролетарской литературы. Пыне чешские писатели и читатели отмечают 90-летие со дня рождения этого замечательного поэта.

С Петром Безручем я встречался дважды в своей жизни. Первая наша встреча была заочная, издавна. В 1935 году один югославский коммунист, политический эмигрант, познакомил и увлек меня своеобразной, сильной рабочей лирикой словенских поэтов — от маститого, ныне покойного, классика словенской поэзии Отона Жупанчича до совсем юного, равно сожженного туберкулезом, талантливого лирика Сречко Косовела.

Отбирая для перевода стихи, совместно составляли их дословные переводы, мы задержались на стихотворении Сречко Косовела под заглавием «Кто колд?».

Это было стихотворение, насыщенное жаркой жаждой революционного поэта. Оно начиналось так: Кто колд по этим нивам, Кто шагал по этим травам, Жаркой кровью напоенным, Кто мечтал на тех дорогах? Был ли это Петр Безруч, Кто звенел силезской песней, Грустной песней, скорбной? Вышел я стальной ошейник, Ой, и кровь, густую кровь, Как, как ржавчина, стекла, Так, так зарделось поле, Так, так зарделась скала, Так, что дорога зарделась.

Петр шел; за ним жангары. Ждут, когда певец спотнется И в бессилье сорбит спину За улом сосед прощелет: «Петр, Петр...» — и заплачет. Только Петр не спотнется, Смерть и боль тому не страшны. Кто за правду умирает...

Так я двадцать два года назад встретился впервые с легендарным Петром Безручем, мучником и борцом за рабоче дело. Мои словенский друг принес мне вежливо оформленную, без имени автора на титульном листе, изданную в 1920 году в Брис, книгу «Силезские песни». Много часов потратил я на то, чтобы при взаимно малом разумеении чешского языка обратиться до сердца этой феноменальной книги. Книга меня потрясла, и я дал себе зарок получить лоботный прострочник и попытаться найти русский стихотворный вариант этих песен. Жизнь ваша калризнава и бесоволая. За делами в случаях я приступ к переводам все отодвигался, а потом после войны в затянули в свой полковоот.

По образ автора «Силезских песен» остался в моей памяти. Потом я вычитал, что автор это вовсе не шахтер Петр Безруч, а почтовый чиновник из моравско-силезского края Владимир Вашек. Я как-то на четверть поверил в этот биографический факт. Перед моим мысленным взглядом продолжал стоять японский поэт-герой, про которого японский Косовел писал самозабвенно влюбленные строки:

Кто ходил по этим нивам, Был он Петру подобен, Так же кровь из губ сочилась, Так же горе гнуло спину. А когда расправил плечи, — Горы глухо грохотали. А когда напрягли мышцы, Кулаки стальные стиснул, Чтоб отовы разлетелся, — Гул прошел в каменоломнях...

Вторая встреча с Петром Безручем состоялась в начале 1951 года. Приняв участие в работе чехо-

Петр БЕЗРУЧ

Одна мелодия

Пишешь олохо, временами. Счастье, что читают мало. Дую в гаснущее пламя, Чтобы панство осмеяло.

Временами в тихой песне Слышу фальшь неверной ноты. Рудокон, грузеж у честно От субботы до субботы.

В бурном веке водопадом Бьют фантазии, идеи. Лишь одним, несложным ладом В песне я своей владею.

Нас один дракон терзает, Пять одна нам глотки скала. Стих мой только дактиль Знает. В нем одна тоска звучала.

В аллесе ямб над Лабой скачет. Шаг спондея знает Гава. Дактиль мой свирелью плачет Под Бескидом неустанно.

Пел я, хвалил критики — Мол — в песне волнения пламя. Нет, светит душе мнущее Болотными огоньками.

Пишут — своеобразен я, Мощь ими во мне открыта. Нет, нет, ведь я из Силезии, Стравы, что жалка, забита.

В Праге читали стихи мои. И их от души хвалили. За то ль, что жила здесь Марьячка?

Стал ли душу выжжет рок? Нет, взял нежно рукою, Широко манла даль дорог, Песня была со мною.

Перевел с чешского Алексей СУРКОВ

Огнем я дышал у витковских печей и ночь из моих глядела очей Силою ли солнце, иль мрак нависал, я взглядом суровым убийца измерял, купцов — кровососов и графов из шахты, я — нищий горняк, вылезавший из шахты...

Я вспоминал эти строки, и мне радостно было видеть перед собой человека, который, ударив на заре классовых битв партизана в набитый колокол своих «Силезских песен», дожил до тех дней, когда его столетиями угнетавшаяся родина обрела свободу и социализм.

Со светлым чувством глубокого уважения к этому простому, сердечному человеку, духа которого в молодости выветила столько сильных социальных страстей, я покидал маленького домика в заклятом в Бескидские горы краю шахтеров и сталеваров.

В ответ на письмо, в котором привелось мне поздравить истопника мастера с его 85-летним юбилеем, приятно было получить открытку с написанными четким разборчивым почерком Безруча стихотворными строками:

Восьмидесят пять лет, а еще жив человек, хотя писание разрешает жить только семьдесят лет. А человек живет уже свыше положенного. Не пора ли уже посетить загробный мир, где живут домовые? «Пойду, пойду, но еще умыляется лукаво лед».

Еще пять лет прошло с тех пор, когда была написана эта открытка. И уже этой осенью араот Чехословакии и все читатели боевой пролетарской поэзии празднуют 90-летие со дня рождения славого автора «Силезских песен».

Мы в Советском Союзе отмечаем юбилей Петра Безруча выпуском нового издания «Силезских песен». И хочется мне от имени советских поэтов, наследников боевой пролетарской лирики прошлого, и от имени советских читателей поблагодарить маститому певцу народного гнева неизменного влорюва в бодрости в его ежегодных путешествиях на Лысю гору, гору Ондраша и Безруча.

Пусть и через пять лет лукаво умыляется лед навстречу солнцу нового дня, восходящего над Бескидами, над краем, в который вернулось счастье, украденное ирскими захребетниками.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛОВА (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Б. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, Е. РЯБИКОВ, В. ФРОЛОВ.

Бес один следит за нами. Кат один ломает шен. Над Бескидскими горами Смерть одним дышаьем вест.

Будто звоном подгоняем. От могилы брата, снова Мчусь Силезско-Прусским краем

К Гучину от Бенешова. Мне сыграть бы плавуюю, Чтоб развлеклась кручина. Нет, оди я загосую, Я ведь родам из Тешина.

В Бельгии, где битва злая Бриттов с деспотом князья, Полк потладевал умирая, Слышал, как колыбка цела.

Так и я, когда случалось. Песни пел со скорбным вьдом. Чтобы легче умиралось. Нашим людям под Бескидом.

О, если б хоть раз над Бескидами Шел бы факел загла свобода! Шел бы я, равный меж равными, В рядах своего народа.

Если б народ замученный, Закованная громада, Появил прывиз мой, сказал бы я — Ты песни слагал, как надо!

Песня идет за мною, Ужас этих пустых дорог Кончен теперь бедою, В скрине печальном черных дрог

Песня идет за мною, Ужас этих пустых дорог Кончен теперь бедою, В скрине печальном черных дрог

Перевел с чешского Алексей СУРКОВ

Вашингтонские мотивы в японской грамматики

СРЕДИ сухопутного и морского генералитета довоенной Японии широко было распространено «совместительство» Сотни армейских войск и морских войск в пышных мундирах заседали в правлениях банков, торговых-промышленных компаний и всевозможных «контрольных ассоциациях» занимали министерские посты или возглавляли японские посольства в миссии за границей. После окончания войны японские чиновники привыкли переключаться на штатские профессии. Перешла, как водворится, «на гражданку» и бывший адмирал-дипломат Кишиокуро Номура. Бывший командующий японских военно-морских баз в Кире в Иокосука, бывший министр иностранных дел, бывший японский посол в Вашингтоне стал президентом фирмы граммофонных пластинок «Виктор компани» — японского филиала американского концерна.

У японского экс-адмирала, как и у прославленного английского флотоводца Нельсона, — всего один глаз, но потерял он его оттого не в морском сражении, а на сцене. Четверть века назад во время па-

рада японских войск, захвативших Шанхай, когда Номура вместе с другими представителями японского командования вердо стоял на трибуне, «место цветет от благодарного населения» тудя была брошена бомба. С тех пор и остался г-н Номура «меченым».

Однако, несмотря на печальный личный опыт, несмотря на трагический опыт Японии, не залечившей еще физические и моральные раны войны, несмотря на свой преклонный возраст — господин Номура восьмидесяти лет, — расщедуш но-преки, наперекор стихиям, бывший адмирал все еще исполнен оптимистичности.

Если бы это опасное психическое состояние внешне проявлялось в том, что г-н Номура цадыла на колени внуков и правнуков, раскисывала им в своих бывших подвизах, было бы с полбеды. Но оптимистичный бизнесмен претендует на более обширную аудиторию. 9 сентября он выступил на страничной токшайской изыетке «Джипай таймс» со статьей, посвященной отнюдь не граммофонным пластинкам а задачам «японской обороны».

Новая специальность автора статьи, впрочем, здесь оказалась: идеи, развиваемые в статье Номура, вытекают, как грамматонная запись того, что говорят в эти дни самозванцы американские пленники Японии.

Впрочем, идея здесь только одна: Япония должна ускорить и усилить свое перевооружение. «Пора нам осознать положение, в котором находится наша страна, и побудить к реалистической политике защиты нашей дорогой родины».

Как же предлагает Номура защитить родину? Он предлагает Японии вооружиться ядерным оружием и принять активное участие в агрессивных замыслах США на Тихом океане. Японцы, сетует далее г-н Номура, «видимо, становятся эгоцентричными», тогда как «США и другие свободные страны остро сознают свои обязанности по совместной обороне и считают своим долгом участвовать в обеспечении коллективной безопасности от коммунистической угрозы».

И, наконец: «Японские силы самообороны не смогут всецело взять на себя оборону своей страны из-за

же после вывода американских сил безопасности».